

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИОГЕНЕЗ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Материалы конференции
(Иркутск, 29 марта — 1 апреля, 2009 г.)

Иркутск, 2009

УДК 930.26
ББК Т4 (2Р55) - 434

Рецензенты:

доктор ист. наук, профессор **М.В. Константинов**
доктор ист. наук, профессор **Г.И. Медведев**

Ответственный редактор:

доктор ист. наук, профессор **А.В. Харинский**

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук **В.С. Николаев**
науч. сотр. **А.В. Луньков**

Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта — 1 апреля, 2009 г.) — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. — 241 с.

Сборник охватывает широкий круг проблем археологии, древнейшей истории, этнологии и культурной антропологии Северной Азии. Хронологический диапазон публикаций от эпохи палеолита до периода средневековья. Особое внимание уделено категории «Археологическая культура» в формировании научного знания и исследованиям знаково-символических аспектов в археологии и этнологии.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам, культурологам, краеведам и всем интересующимся проблемами формирования общества в Северной Азии.

ISBN 978-5-8038-0564-9

© Иркутский государственный
технический университет, 2009

© Коллектив авторов, 2009

Семина Л.В. Кристинкина пещера — памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983.

Семина Л.В. Исследования эпохи неолита и бронзы в Юго-Западном Забайкалье // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. краевой конф. — Красноярск, 1984.

Семина Л.В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1985.

Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1986.

Семина Л.В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. — Л., 1986а.

Семина Л.В., Грешилова Г.И. Металл в жизни обитателей таежной зоны Забайкалья // Проблемы археологии Северной Евразии: Тез. докл. XXXVIII РАЭСК. — Чита: Читин. обл. типография, 1988.

Семина Л.В., Пинскер М.П. Усть-Менза I: от финального палеолита до поздней бронзы // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. Ч. 2. — Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986.

Семина Л.В., Пинскер М.П. Памятники эпохи ранней бронзы Усть-Мензенского комплекса // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. — Барнаул: Изд-во ИИ-ФиФ и АГУ, 1988.

Сухопарова С.А., Непомнящий А.С., Семина Л.В. Металл и камень Чикойско-Мензенской тайги в эпоху ранней бронзы // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. XXX РАЭСК. — Иркутск, 1990.

Филимонов А.В., Непомнящих А.Н. Нижняя Еловка — новый многослойный памятник в долине р. Мензы // Археологические исследования в Сибири: Тез. докл. к конф. — Барнаул, 1989.

Хлобыстин Л.П., Студизцкая С.В. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Бронзовый век лесной полосы СССР. — М.: Наука, 1987.

Д. Эрдэнэбаатар, А.А. Ковалев

*Улан-Баторский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия
Санкт-Петербургский государственный университет, г. С.-Петербург, Россия*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

В соответствии с соглашением о сотрудничестве между Институтом истории АН Монголии, Улан-Баторским университетом и Санкт-Петербургским государственным университетом с 2001 года в рамках проекта «Археологическое исследование Центральной Азии» на территории Монголии ежегодно проводит работы Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара. Работы экспедиции проводились в Кобдоском, Баян-Ульгийском, Завханском, Баянхонгорском, Убсунур-

ском, Южногобийском аймаках. В общей сложности экспедицией раскопано более ста погребальных и поминальных сооружений. Основной целью этих исследований было создание культурно-исторической схемы Западной Монголии и Гобийского региона в III — I тысячелетиях до н.э.

В результате работ МЦАЭ были достигнуты следующие основные результаты.

1. В Северо-Западной Монголии (Баян-Ульги аймак) были впервые обнаружены курганы афанасьевской культуры. Один из курганов, относящийся к первой половине III тыс. до н.э., был раскопан.

2. В предгорьях Монгольского Алтая впервые обнаружены памятники чемурчекской культуры (около 2800-1800 гг. до н.э.). Раскопаны 6 курганов в Ховд аймаке и 4 кургана в Баян-Ульги аймаке.

3. Открыта новая культура эпохи средней бронзы (около 1700-1300 гг. до н.э.) — мунх-хайрханская, погребения которой были раскопаны в Ховд, Завхан и Хубсугул аймаках.

4. В Булган сомоне Ховд аймака раскопаны 8 погребений эпохи поздней бронзы (около XII-X вв. до н.э.), относящихся к неизвестной до сего времени культуре, предварительного названия которой нами байтагской культуре.

5. В результате раскопок погребальных конструкций в Гобийском Алтае (Увэрхангай, Баянхонгор, Южногобийский аймаки) выделена новая культура Тэвш, эпохи поздней бронзы (около XIII-X вв. до н.э.), к которой относятся также ранее исследованные Советско-Монгольской археологической экспедицией несколько «фигурных» могил у горы Тэвш-уул Богд сомона Увэрхангайского аймака.

6. На основе раскопок, радиоуглеродного датирования и картографирования памятников установлены абсолютная и относительная хронология известных ранее типов погребальных сооружений Монгольского Алтая эпохи поздней бронзы и раннего железного века (XIV-III вв. до н.э.).

7. Впервые проведены полные научные раскопки ритуально-погребальных и ритуальных комплексов — «оленных камней» в Ховд и Хубсугул аймаках и выявлены две различные, синхронно существующие на соседних территориях традиции ритуального использования оленных камней — западно-монгольская и центрально-монгольская.

8. Определена территория распространения в Монгольском Алтае памятников пазырыкской культуры (VI-III вв. до н.э.).

9. Атрибутирована крепость Баян-Булак в Номгон сомоне Южногобийского аймака — это крепость Шоусянчэн, построенная по приказу ханьского императора У-ди в 105 г. до н.э.

10. С помощью радиоуглеродного датирования наконец установлено время сооружения т.н. стены Чингисхана длиной около 800 км, идущей с запада на восток по территории Южногобийского аймака Монголии и далее по территории АР Внутренняя Монголия — начало XIII в. н.э. Эта стена была построена тангутским государством Си Ся как рубеж обороны от войск Чингисхана.

Основные результаты работ Международной Центральноазиатской экспедиции в Монголии под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара изложены в следующих работах: Варенов А.В., Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2004; Ковалев А.А., 2005; Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007; Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а; Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., 2008;

Ковалев А.А., 2008.

Как уже говорилось выше, МЦАЭ были открыты памятники ряда культур бронзового века, до сих пор не выявленных на территории Монголии (алтайская, афанасьевская, чемуurchекская), обнаружены памятники неизвестных доселе культур (мунх-хайрханская, байтагская), впервые научно атрибутированы памятники типа «фигурных могил», распространенные в Гобийском Алтае (культура Тэвш).

1. Афанасьевская культура. В 2004 г. нами был раскопан курган афанасьевской культуры Кургак-гови (Хуурай говь) 1, расположенный на первой террасе левого берега р. Кара-Джамат-гол (Уланхус сомон Баян-Ульги аймака). Курган представлял собой плоскую круглую каменную платформу диаметром 16 м, высотой около 1 м с крепидой из вертикальных каменных плит. С восточной стороны кургана, на расстоянии около 2 м от него, была вертикально вкопана еще одна такая плита. В центральной части кургана была устроена подпрямоугольная могильная яма глубиной более 2 м, в которой головой на восток, на спине были погребены мужчина и ребенок. Перекрытием погребения служило днище кузова деревянной повозки, на которое и был уложен инвентарь: бронзовые нож и шило, костяной наконечник стрелы, глиняный сосуд вытянутых пропорций, типичный для алтайского афанасьева, альчики мелкого рогатого скота. Конструкция кузова повозки типична для ямной и новотитаровской культур ранней бронзы восточноевропейской степи. Бронзовый нож аналогичен находке из кургана на р. Тарлышкин в Туве, где такой бронзовый предмет был обнаружен в могиле вместе с яшмовым жезлом, увенчанным головой быка.

Датировка, проведенная в лаборатории радиоуглеродных исследований ИИМК РАН (здесь и далее ссылки на даты лабораторий ИИМК РАН с учетом калибровки) по углю, дереву и костям погребенных (всего 7 дат), показала, что наиболее вероятное время сооружения кургана — вторая четверть III тыс. до н.э.

Два афанасьевских кургана меньших размеров с крепидой из вертикальных плит были обнаружены нами в том же сомоне на первой террасе левого берега р. Согог-гол, близ раскопанного нами чемуurchекского кургана Кумди-гови (Хундий говь).

2. Чемуurchекская культура. Как установлено работами нашей экспедиции, с середины III тыс. до н.э. на территорию монгольской части Монгольского Алтая начинают проникать чемуurchекские племена. Ранее памятники этой культуры исследовались только лишь за пределами Монголии. Нами были раскопаны шесть чемуurchекских курганов близ центра Булган сомона Ховд аймака (могильники Ягшийн ходоо, Хэвийн ам, Буурал Харын ар), а также четыре прямоугольные погребальные ограды в Уланхус сомоне Баян-Ульги аймака (Кулала-ула (Хул уул), к. 1, Кургак-гови (Хуурай говь), к. 2, Кумди-гови (Хундий говь), Каратумсик (Хар хошуу) (еще один чемуurchекский курган такого типа был обнаружен нами на левом берегу р. Цаган-гол).

Исследованные нами курганы в Баян-Ульги представляли собою прямоугольные ограды с земляными ямами, вытянутые по оси запад-восток (Кулала-ула — север-юг). Две из четырех оград сопровождалась каменными стелами, установленными с восточной стороны, а стела у кургана Кулала-Ула, установленная с южной стороны, была подработана для придания антропоморфности. В кургане Кара-Тумсик одна из таких стел стояла в пределах ограды с восточной

стороны могилы и была выкрашена красной охрой.

Чемурчские памятники Баян-ульги напоминают раскопанные в собственно Чемурчеке погребальные сооружения, которые также представляли собой прямоугольные ограды, вытянутые, как правило, в направлении восток-запад и реже — север-юг, у середины восточной стороны (либо, соответственно, южной) которых была установлена статуя или стела; в пределах ограды, по ее длинной оси, располагались ящики из крупных плит с коллективными захоронениями.

Булганские памятники представляют собой ориентированные длинной осью по линии восток-запад огромные ящики из массивных плит для коллективных захоронений (до 10 человек), в большей или меньшей степени утопленные ниже уровня древнего горизонта. Снаружи ящик укреплен прямоугольной в плане каменной наброской, в свою очередь, окруженной земляной насыпью, прямоугольный периметр которой выложен рядами светлых валунов. С восточной стороны кургана Ягшийн ходоо №3 была установлена лицом на юг типичная чемурчская статуя, изображающая мужчину с обнаженной грудью в шлеме(?), держащего в руках «посох» и лук, а с востока от кургана Хэвийн ам 1 был прослежен ритуальный «вход», образованный тонкими вертикальными плитками и вымостками из валунов. Стенки булганских склепов были в древности расписаны красной краской. Наши наблюдения говорят о том, что ареал распространения подобных погребальных сооружений охватывал и бассейн нижнего течения р. Ховд и р. Буянт (Ковалев, 2005). В 2006 г. А.А. Тишкиным были обнаружены новые чемурчские ящики в нижнем течении р. Буянт (Тишкин и др., 2006: 111), один из которых был раскопан в 2007 г., а два — в 2008-м (Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008). Раскопки здесь также выявили наличие ритуальной выкладки со стелой с восточной стороны. Такие же погребальные склепы, планиграфически связанные с каменными статуями, обнаружены и в бассейне Черного Иртыша (в том числе осмотрены А. Ковалевым в долине Чемурчека). Более того, аналогичный каменный ящик с периметральными насыпями был обнаружен С.П. Грушиным и раскопан С.П. Грушиным и А.А. Ковалевым в 2006 г. в Третьяковском районе Алтайского края (Россия).

Находки из чемурчских курганов Монголии показывают широкие культурные связи населения Монгольского Алтая этого периода. Керамические сосуды, обнаруженные в курганах Ягшийн ходоо 1, 3, представляют различные традиции керамического производства: причем плоскодонный сосуд, найденный в кургане 3, аналогичен керамике елуинской культуры раннего бронзового века Степного Алтая (?). Аналогичны найденным в елуинских памятниках свинцовым украшениям и свинцовые височные кольца из этих двух курганов. Каменные сосуды, обнаруженные в курганах Ягшийн ходоо 2, Хэвийн ам 1 и Буурал харын ар, представляют собой изделия, типичные для «китайского» чемурчека. Баночный керамический сосуд из кургана Кара-Тумсик, сплошь орнаментированный отпечатками гребенчатого штампа, аналогичен керамике раннего этапа окуневской культуры. Столь же характерны для окуневской культуры и каменные шары с отверстием типа найденных нами в курганах Кулала ула 1 и Кумди гови. Костяные изделия для обработки кожи — так называемые «трепала», найденные нами в курганах Кулала ула 1, Кургак гови 2 и Кумди гови, во множестве обнаружены на поселениях елуинской культуры. Кроме перечисленных находок, из чемурчских комплексов Баян-Ульги происходят два четырехгранных бронзовых шила и два костяных наконечника стрелы оригинальной формы.

Согласно заключению сотрудников кафедры антропологии и археологии Монгольского национального университета, все поддающиеся определению кости черепов из чемурчешских погребений проявляют европеоидные черты.

Результаты радиоуглеродного анализа по костям, углю и дереву из чемурчешских курганов Монголии (всего 27 определений), указывают, что эти памятники сооружались в период как минимум со второй четверти III по I века II тыс. до н.э. Курган Кургак-гови 2 вместе с афанасьевским курганом Кургак-гови 1 образовывал обособленную группу памятников; две радиоуглеродные даты, полученные в лаборатории ИИМК по углю из первоначальной культовой (?) ямы чемурчешского кургана 2 приходятся на тот же период, что и четыре даты по углю из афанасьевского кургана 1, что может указывать на то, что на раннем этапе своего пребывания на Алтае чемурчешское население могло сосуществовать с афанасьевским. В пользу этого свидетельствуют и установленная с восточной стороны афанасьевского кургана стела, а также находка в этом афанасьевском кургане костяного наконечника стрелы, аналогичного обнаруженным в курганах Кулала-ула 1 и Кара-тумсик.

К чемурчешской культуре необходимо отнести также и три округлые ритуальные выкладки, исследованные нами в 2001 г. в высокогорном урочище Харговь (Мунх-Хайрхан сомон Ховд аймака), возле более позднего херексура. Здесь были обнаружены шлифованные каменные орудия, аналогичные найденному в 1999 г. в казахстанском чемурчешском кургане Айна-Булак 1/2. Кроме того, при строительстве ограды херексура была переиспользована каменная стела с выделенной миниатюрной «головой», наподобие стелам из чемурчешских курганов Копа 2 (Казахстан) и Кулала-ула.

Полевые исследования памятников ранней бронзы Джунгарии и Монгольского Алтая начались в первой половине 60-х гг. Вслед за разведкой Ли Чжэна 1961 г., в отчете о которой были впервые отображены различные типы погребальных сооружений бассейна Черного Иртыша и связанные с ними каменные статуи, в 1963 г. И Маньбай в долине р. Чемурчек (Чемерчек, Кэрмуци) (уезд Алтай, СУАР) раскопал десять прямоугольных оград с каменными ящиками. В 90-е гг. XX в. памятники этого типа в Северной Джунгарии были предметом исследований Ван Бо и Ван Линьшаня, в результате визуальных наблюдений Ван Бо предпринял попытку классификации и датировки погребальных сооружений, а также различных видов каменных изваяний. В статье 1996 г. Ван Бо впервые предложил термин «чемурчешская культура» для характеристики памятников бронзового века севера Синьцзяна. В 1998 г., в ходе ознакомительной поездки в долину Чемурчека, А. Ковалеву удалось обнаружить остатки раскопанных И Маньбаем сооружений и связать раскопанную И Маньбаем ограду М2 с опубликованной впервые Ван Линьшанем и Ван Бо в 1996 г. статуей «Кайнарл 2 №2» (Kovalev, 2000: 140-141). Это обстоятельство окончательно подтвердило вывод А. Ковалева о синхронности большинства каменных изваяний и основных погребений в каменных ящиках чемурчешских могильников, датирующихся по аналогиям в погребальном инвентаре второй пол. III — первой третьи II тыс. до н.э. (Kovalev, 2000: 160). В статье, вышедшей в 2000 г. в Германии (Kovalev, 2000: 150, 152, 157, 167), были определены в качестве чемурчешских изображения быков с двумя ногами и S-видными рогами, а также каменный сосуд из Угловского района Алтайского края и стела из окрестностей с. Иня (Горный Алтай), что позволило определить пределы распространения чемурчешского населения. В

1998—2000 гг. организованная А. Ковалевым Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция (Российско-Казахстанский отряд, совместно с Институтом археологии НАН Республики Казахстан при участии Алтайского госуниверситета) произвела раскопки 12 прямоугольных оград эпохи ранней бронзы в бассейне р. Алкабек (Курчумский район Восточно-Казахстанской области) (могильники Ахтума, Айна-Булак I, II, Копа, Булгартяботы). Исследованные нами курганы из долины р. Алкабек имели подквадратную ограду из плит, от восточной стороны которой внутрь сооружения, к могиле — земляной яме с одним-двумя погребенными, вел каменный коридор, выложенный плоскими плитками. Как правило, стенки этого коридора окружали и могильную яму, либо здесь устраивалась каменная выкладка на заплечиках. Во всех без исключения курганах могильная яма была «сдвинута» в восточную сторону, к вышеописанному входу, от центра кургана на 2-5 м. С востока от ограды кургана 2 мог. Копа была установлена каменная стела, подработанная с одной из сторон в древности для придания сходства с человеческой фигурой. Имеющиеся радиоуглеродные датировки по костям и дереву говорят о синхронности казахстанских памятников вышеуказанным.

Результаты работ говорят о большом разнообразии в формах погребальных сооружений, видах погребений и погребального инвентаря в рассматриваемую эпоху. В то же время можно говорить об определенном единстве культуры населения Джунгарии и Монгольского Алтая вследствие проявления культурного компонента, принесенного на эти земли мигрантами из Западной Европы (Франции?) не позднее середины III тыс. до н.э.

Все описанные виды погребальных сооружений сохранили основные признаки коридорных гробниц Западной Европы. «Казахстанские» ограды имеют коридор, окружающий погребальную камеру, и асимметричное расположение склепа (наиболее похожее сооружение см. в Ploussat (Бретань); дериватом того же погребального коридора нужно считать и вытянутые пропорции «баян-ульгийских» и «чемурчекских» оград, а также ритуальные «входы». Конструкция ящиков и периметральных насыпей «булганских» курганов аналогична устройству неолитических памятников бассейна Луары (напр. Tumulus des Musseaux, La Josseliere Dolmen, Le Dolmen des Erves). Восточная ориентация «входов» и традиция установки с той же стороны статуй и стел объединяет как все алтайские, так и западноевропейские мегалитические памятники. Иконография известных чемурчекских скульптур, как было показано А.А. Ковалевым еще в 1998 г., может восходить только лишь к изобразительной традиции европейского неолита-энеолита, причем наиболее близкие каменные статуи обнаружены в Лангедоке (напр., Mas de l'Aveugle, Collorgues). Западноевропейское происхождение имеют также формы и орнамент чемурчекских каменных и частично керамических сосудов, каменных шлифованных орудий (Ковалев, 2005). Росписи красной охрой, сохранившиеся на стенках каменных ящиков Ягшийн ходоо 1, 3, находят аналогии в рисунках на стенах гробниц кеми-обинской культуры, Нальчикской гробницы, из Поднепровья и т.п. Тщательный визуальный осмотр выявил на одной из плит из Ягшийн ходоо 3 рисунок, который можно интерпретировать как композицию копья, овального щита с выступами и лука. Если это действительно так, то напрашивается аналогия с новосвободненским курганом 28 мог. Клады и гробницы из Ляйне-Хелих (Германия).

3. Мунх-хайрханская культура. Эпоха средней бронзы представлена на

Монгольском Алтае мунх-хайрханской культурой, памятники которой были открыты впервые нашей экспедицией в 2003 г. на территории Мунх-Хайрхан сомона Ховд аймака. Курганы этой культуры снаружи представляют собой совершенно плоские каменные насыпи, как правило, однослойные. В центре кургана находится могильная яма овальной формы, размерами в плане не более 1,3 x 1 м (рядовая), широтной ориентации. Погребенный уложен в сильно скорченном положении, на левом боку, головой в восточный сектор. Могильная яма над погребенным забита необработанными уплощенными глыбами и плитками камня, образывавшими в древности некое подобие свода в один или два слоя.

Рядовые курганы в алтайском регионе — круглые, около 3 м в диаметре. Нашей экспедицией по берегам р. Дунд-Цэнхэр-гол были раскопаны 4 кургана, определенно относящихся к мунх-хайрханской культуре, с сохранившимися костями взрослых погребенных *in situ*: Хотуу даваа 1, Артуа, Улаан говийн удзуур 1 и Улаан говийн удзуур 2. В единый комплекс с курганом Улаан говийн удзуур 2 входили детские (?) курганы 3 и 4, погребения в которых не сохранились. Из каждого взрослого погребения были отобраны образцы кости человека для радиоуглеродного анализа. Полученные четыре даты по памятникам на территории Ховд аймака наибольшей вероятностью укладываются в период 1800-1600 л. до н.э. В кургане Хотуу даваа 1 был обнаружен обломок бронзовой булавки (?) с округлым навершием, а в неграбленном кургане Улаан говийн удзуур 1 — бронзовые четырехгранное шило и однолезвийный нож — треугольного сечения по всей длине, с невыделенным черешком, а также костяной черпак. Три кургана того же типа были обнаружены нами в ходе разведки с севера от центра Мунх-Хайрхан сомона.

В 2006 г. наша экспедиция открыла памятники мунх-хайрханской культуры на территории Хубсугульского аймака, где рядовые курганы имели, в отличие от Западной Монголии, подквадратную форму. Было раскопано два рядовых кургана, в одном из которых найдены перламутровые дисковидные нашивки для украшения одежды. Здесь же был исследован «элитный» мунх-хайрханский могильник Галбагийн удзуур, в который входил плоский каменный курган, сложенный в один слой камня, диаметром 30 м, квадратный каменный курган размерами 8 x 8 м, а также две прямоугольные выкладки. Дисковидная насыпь большого кургана была выложена двумя видами камня — черным сланцем и розовым гранитом таким образом, чтобы сверху представить своеобразную мозаику, где на розовом фоне была изображена черная лапа хищной птицы с четырьмя когтями, охватывающая могильную яму. В квадратном кургане нами были найдены бронзовый нож с оттянутым кончиком лезвия (так же, как и вышеописанный, треугольного сечения по всей длине, с невыделенным черешком) и шило.

Еще один элитный могильник мунх-хайрханской культуры, видимо, находится в верхнем течении р. Ховд (Кобдо) на территории Цэнгэл сомона Баян-Ульги аймака, где А.А. Ковалев и А.В. Варенов в ходе разведки 2004 г. обнаружили плоскую каменную насыпь в один слой диаметром около 30 м, сложенную из черного и белого камня.

В сезоне 2007 г. в Баян-Тэс сомоне Завханского аймака нами были исследованы два одиночных кургана мунх-хайрханской культуры диаметром 5-6 м и погребально-ритуальный комплекс Хух хушоны бом 1, в который входили три погребальных кургана — два круглых и один квадратный, также до 6 м в по-

перечнике, а также две прямоугольные каменные выкладки, две стелы и круг из двенадцати небольших каменных стел, в который была вписана полукруглая каменная выкладка. Из находок в погребениях необходимо упомянуть два бронзовых четырехгранных шила, три костяных цилиндро-конических наконечника стрелы с расщепленным насадом длиной до 15 см, а также ожерелье-гривну прямоугольной формы из квадратных костяных бусин с вырезами.

Радиоуглеродные даты по костям погребенных в мунх-хайрханских курганах из Завхан и Хубсугул аймаков укладываются в XVI-XIV века до н.э., что может говорить о более позднем проникновении этой культуры на восток.

Происхождение и связи мунх-хайрханской культуры пока неясны. Возможно, металлургическая индустрия этой культуры берет начало в Средней Азии или Казахстане, где известны находки аналогичных бронзовых обушко-вых ножей. Несколько таких бронзовых ножей были обнаружены в памятниках культуры Цицзя. Формы перламутровых украшений являются продолжением традиций местного неолита, схожие перламутровые диски недавно были обнаружены на Российской Алтае. Погребальный обряд носителей этой культуры, как и форма квадратных бусин с вырезами, восходит к восточноевропейскому энеолиту.

4. Культура Тэвш. Материалы наших исследований 2005-2007 гг. говорят о том, что южная часть современной Монголии в XIII-X вв. до н.э. входила в ареал своеобразной культуры эпохи поздней бронзы, которую мы предлагаем именовать культурой Тэвш. Курганы этой культуры уже раскапывались в Богд сомоне Уверхангайского аймака (близ горы Тэвш уул, у бывшего центра Ховд сомона) В.В. Волковым: в 1964 г. были раскопаны 2 кургана (Волков, 1967: 37) и в 1971 г. — 3 кургана, однако многие исследователи включали их в круг памятников типа плиточных могил (Цыбиктаров, 1998: 126-128).

Нами были раскопаны четыре кургана в Баянлиг сомоне Баян-Хонгорского аймака (Барун гялат 1, 2, 3, Дзамын буц), четыре кургана в Богд сомоне Уверхангайского аймака (Хар удзуур I — 1, Хар удзуур II -1,2, Шар толгой), а также два кургана в Номгон сомоне Южнообийского аймака (Хурмэн цаган уул I — 3, 4), а также в ходе разведок обнаружены многие курганы такого типа в Губийском Алтае и Заалтайской Гоби. Результаты наших исследований показали следующее.

Все исследованные памятники имеют одинаковую конструкцию. Они представляют собой каменную ограду, забитую внутри камнем, образующую плоскую платформу. Восточная и западная стенки ограды построены из вертикальных плит. Особенно важно, что северная и южная стенки всегда сложены из камней, уложенных плашмя в несколько слоев. В середине устраивалась узкая могильная яма, где находился уложенный вытянуто ничком скелет человека головой на восток. Яма с трупом после погребения засыпалась землей.

Имеются две различные формы оград:

— с вогнутыми сторонами, расширяющиеся к востоку (похожие на «фигурные» могилы);

— почти «полукруглые», с выпуклыми северной и южной сторонами, с широкой прямой восточной стенкой и маленькой прямой западной.

Судя по единству конструкции, погребального обряда и содеству в одних и тех же могильниках, курганы одной и другой форм одновременны и однокультурны. Поскольку в плиточных могилах никогда не встречены погребения ничком, «полукруглые» ограды, а также выложенные горизонтальной много-

слойной кладкой стенки оград (плиточные могилы окружены оградами из вертикальных камней), все вышеуказанные курганы мы относим к особой культуре Тэвш, а появление среди плиточных могил Забайкалья и Центральной Монголии курганов с вогнутыми стенками считаем результатом влияния культуры Тэвш на северный регион.

Естественно, что сделать такие выводы ранее было невозможно, поскольку раскопки «фигурных» могил у горы Тэвш проводились, как показал осмотр мест прежних раскопок В.В. Волкова, без зачистки каменных конструкций, шурфом в середине насыпи.

Все исследованные нами курганы этой культуры были ограблены, причем чаще всего отсутствовала только верхняя часть скелета. В курганах Баруун гялат 2, 3 нами были обнаружены ожерелья из сердоликовых, лазуритовых и аргиллитовых бусин на шее погребенного (в кургане Баруун гялат 3 в ожерелье входило золотое колечко), а в кургане Дзамын буц — низки аргиллитового бисера, нашитого, видимо, на одежду погребенного. Единственное неграбленное погребение такого типа было найдено В.В. Волковым в 1971 г. у горы Тэвш. В инвентарь погребения входили золотые украшения, увенчанные головками баранов. Они были неоднократно опубликованы. По своему виду эти предметы схожи с изделиями северокитайской скотоводческой культуры эпохи Шан-Инь (XIV-XII вв. до н.э.), которую А. Ковалев предложил именовать культурой Чаодаогоу (Ковалев, 2004). Ножи, черпаки и кинжалы, выполненные в похожем стиле, хорошо датированы, поскольку многократно найдены в комплексах Центральной Равнины (Central Plane). Радиоуглеродные определения по костям погребенных в курганах культуры Тэвш, полученные в лаборатории ИИМК, укладываются в промежутки с XIII по X века до н.э.

Судя по опубликованным материалам, к этой же культуре относится курган, раскопанный Алонсо Пондом в 1928 г. в ходе экспедиции Эндрюса около озера Таигун пог в восточной части Внутренней Монголии. Курганный насыпь имела характерную полукруглую форму. Здесь было обнаружено погребение человека ничком, головой на восток, захороненного в одежде, расшитой более чем 5000 белыми аргиллитовыми бусинами. «Фигурные» могилы с вогнутыми стенками были зафиксированы в 30-х г. XX в. во Внутренней Монголии и Дж. Марингером. Для решения вопроса о происхождении культуры Тэвш необходимо исследование памятников центральной части Внутренней Монголии, поскольку традиция сооружения сложных каменных конструкций и погребения ничком могли иметь корни в неолитических культурах Северного Китая.

5. Байтагская культура. В ходе наших исследований в Булган сомоне Ховд аймака на р. Улястайн-гол в горах Байтаг-Богдо, в километре от границы с КНР, в 2005 г. был обнаружен могильник (Улястайн гол III), состоящий из семи кольцевых оградок диаметром около 1,7 — 2,2 м, сложенных из лежащих плашмя камешков в один слой. В центре такой оградки размещалась овальная в плане могильная яма, ориентированная строго по линии запад-восток, длиной не более 1,2 м. Несмотря на ограбление, по сохранившимся свое первоначальное положение костям погребенных удалось установить, что они были уложены головой на восток, на спине, с коленями, поднятыми вверх. Обнаруженные в могилах артефакты: свернутые из листовой бронзы пронизки, аргиллитовый бисер, две литые выпуклые бляхи, височное кольцо в 1,5 оборота, свидетельствуют в пользу отнесения этих памятников к эпохе поздней бронзы (аналогии имеются как

в инвентаре карасукской культуры, так и в материалах эпохи поздней бронзы района Хами и культуры Сыва). Кроме того, такое же по обряду захоронение женщины, сопровождавшееся отломанным кончиком бронзового однолезвийного ножа, было совершено в заполнении каменного ящика чемурачского кургана Хэвийн ам 1 в 200 км к северу от Байтага. Радиоуглеродные датировки по костям погребенных укладываются в период с XII по X в. до н.э.

Череп из кургана Улястайн гол III-7 и из впускной могилы кургана Хэвийн ам имеют явно выраженные европеоидные признаки.

Южная часть Ховд аймака Монголии, где мы работали, видимо, представляет лишь северный край ареала всей культуры. Именно этой культуре принадлежат, скорее всего, бронзовые предметы «карасукских» типов, обнаруженные китайским археологами на кладбищах земледельцев в оазисах Синьцзяна.

Характерные для Монгольского Алтая памятники позднего бронзового века — безынварные курганы с захоронениями в ямах и цистах на горизонте — входят в типологически и хронологически еще недостаточно разграниченный массив так называемых памятников «монгун-тайгинского типа» и «херексуров», распространенных также в Туве, Центральной Монголии и Забайкалье (см. обзор в: Цыбиктаров, 2004). Как уже указывалось (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007: 82-84), топография размещения различных типов курганов в могильниках Монгольского Алтая может указывать на то, что курганы с вытянутыми на боку костяками, ориентированными головой в западный сектор, — как в ямах, так и в цистах на горизонте — сооружались в одно и то же время, в целом более раннее, чем четырехугольные курганы с камнями-маяками по углам, содержащие погребения в низких цистах.

С целью уточнения культурной ситуации в Западной Монголии в позднем бронзовом — раннем железном веке МЦАЭ проведены раскопки нескольких характерных погребальных и поминальных памятников: нескольких курганов с плоскими насыпями и погребениями в положении вытянуто на боку, кургана с трапециевидной оградой и камнями-маяками по углам, херексура «с лучами» Хар говь, сопровождавшегося четырьмя оленными камнями, кургана с куполообразной насыпью, поминального сооружения с оленными камнями Сурртийн дэнж.

По костям погребенных из курганов с вытянутыми на боку костяками получено шесть дат: пять — по погребениям в узких ямах (Тэлэнгэдийн ам 3, Хух толгой 3, 9, Кулала ула 2, Худжиртын гол 2-1), одна — по погребению в цисте на горизонте (Хаалгатын ам). Дата по погребению в цисте на горизонте (Le-6945: 1620-1200 calBC) оказывается одной из самых ранних в этой группе, что подтверждает сомнения в справедливости гипотезы об эволюции погребального обряда монгун-тайгинского населения от погребений в ямах к погребениям на горизонте, высказанной Вл. А. Семеновым, К.В. Чугуновым и поддержанной Д.Г. Савиновым (Семенов, Чугунов, 1987: 74; Чугунов, 1994; Савинов, 1994: 58-59; Савинов, 2002: 14-15). Вл. А. Семенов впоследствии высказал мнение о «единовременности» захоронений в ямах и цистах (2000: 142-143). Полученный по этим пяти датам комбинированный радиоуглеродный возраст — 1390-1120 calBC — указывает на достаточную компактность во времени бытования погребений с вытянутыми на боку костяками — XIV-XII вв. до н.э. Кстати, это еще раз опровергает доводы Вл. А. Семенова о «переживании» окуневской культуры в Туве до XII в.: в его культурно-хронологической схеме появление монгун-тайгинских

памятников из-за этого «переживания» датируется не ранее XII-XI вв. (Семенов, 1997а: 26). В то же время радиоуглеродное и типологическое датирование курганов с высокой многослойной цистой и скорченными на боку костяками, включая херексуры с лучами и оленными камнями, приводит к выводу об их датировке уже скифским временем — начиная самое раннее с рубежа X-IX вв. до н.э. (Семенов, 2000: 145, Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007: 84, Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар, 2007а).

Временной разрыв минимум в два века между этими типами памятников в Монгольском Алтае, вероятно, заполняют многочисленные курганы с четырехугольной крепидой или оградой с камнями-маяками по углам и низкой цистой на горизонте. Однако МЦАЭ был раскопан только один памятник такого типа (Хотуу даваа 2/1), который дал минимум костного материала. Дата получилась чрезвычайно размытая (Le-6943: 1700-900 calBC). Этот курган представлял собой каменную платформу с крепидой трапецевидной формы, в центре которой насыпь была сложена из более крупных камней, наваленных на однослойную каменную цисту из нескольких глыб. Углами насыпь была ориентирована приблизительно по сторонам света, юго-восточная сторона ее была на 1,5 м длиннее северо-западной. Такая же трапецевидная форма и ориентация крепиды широкой стороной в юго-восточный сектор была зафиксирована МЦАЭ при обследовании других курганов с камнями-маяками Монгольского Алтая.

Трапецевидные ограды (крепиды) с широкой юго-восточной или восточной-юго-восточной стороной характерны для курганов («херексуров») Центральной Монголии (Allard, Erdenebaatar, 2005: 554-556, Takahama Shu et al., 2006). Центральномонгольские курганы такого типа имеют каменные насыпи или вертикальные камни по углам и, судя по результатам пока еще немногочисленных раскопок, наземную одно-двуслойную цисту из каменных глыб (Takahama Shu et al., 2006: 64-65). Известные на сегодняшний день радиоуглеродные даты по костям лошади из сопровождающих такие курганы (в долине р. Хануй) ритуальных насыпей указывают на их датировку скорее всего XII-IX вв. до н.э.: 1040-850 BC («херексур» KYR 1), 975-680 BC (KYR 1), 1390-910 BC (KYR 57), 930-785 BC (KYR 119) (все с вероятностью 95,4%) (Allard, Erdenebaatar, 2005: 551, 553, Erdenebaatar, 2007: 203). Представляется, что эту датировку можно распространить и на курганы с «маяками» Западной Монголии.

В связи с изложенным А. Ковалев пришел к выводу об отсутствии генетической связи между курганами, содержащими вытянутые костяки на боку, и четырехугольными курганами с камнями-маяками, а этих последних, в свою очередь, с куполообразными курганами, содержащими многослойную цисту (включая херексуры с «лучами»). Распространение на Монгольском Алтае четырехугольных курганов с «маяками» связано, скорее всего, с проникновением на запад центральномонгольских культурных традиций, а появление здесь позже купольных круглых курганов с многослойной цистой (включая херексуры с лучами) эволюцией четырехугольных курганов с маяками объяснить невозможно. Поэтому все варианты типолого-хронологической группировки безынвентарных курганов бронзового века Саяно-Алтая, предложенные за последнее время различными исследователями (Чугунов, 1994; Савинов, 1994: 60-61; Семенов, 2000: 141-149; Савинов, 2002: 14-16; Цыбиктаров, 2004), нуждаются в корректировке. Так нет никаких оснований объединять в одну культуру все типы безынвентарных курганов позднего бронзового века и уж тем более причислять к

этой культуре все так называемые «херексуры» — собственно, любые курганы с оградами. Нет оснований и говорить о культурном и хронологическом единстве центральномонгольских «херексуров»-курганов с четырехугольной или круглой оградой (иногда с коридором от насыпи к восточной стенке ограды) и «херексуров», представляющих насыпь, соединенную с оградой радиальными перемичками — лучами. Нет оснований объединять в одну общность («шанчигский тип» по Савинову) курганы с чистой из уложенных в один-два слоя каменных глыб (Шанчиг, к. 15, 16 — см.: Кызласов, 1979: 36-37) и курганы с эллипсовидной в плане гробницей, составленной из нескольких слоев уплощенных камней, уложенных длинной осью, как правило, по радиусу насыпи (Чарга, к. 4 — см. Семенов Вл. А., 2000, с. 145, рис. 5). А.А. Ковалев полагает: 1) корректным будет применить название «монгун-тайгинской культуры» для характеристики насыпей-платформ с крепидой, содержащих костяки погребенных, уложенных вытянуто на боку в ямах или низких цистах на горизонте, с предварительной датировкой этой культуры XIV-XII веками до н.э. (при естественном наличии инокультурных влияний, как, например, четырехугольные ограды курганов в Эрзинском могильнике: (Кызласов, 1979: 46-47); 2) различные типы курганов с одно-двухслойными цистами, погребенными, уложенными скорченно на боку, вытянуто на спине, с внешней оградой или без таковой, обнаруженные в Западной Монголии, Туве и Забайкалье, необходимо рассматривать как проявления традиций центральномонгольской культурной общности финального периода бронзового века; 3) куполовидные курганы с высокой чистой типа раскопанного в Туве на могильнике Чарга или исследованного МЦАЭ в Монголии кургана в курганной группе Адууг 2 (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007: 84) вместе с ритуально-погребальными комплексами, состоящими из херексуров с перемичками-«спицами» и оленных камней, относятся к особой культуре, господствующей в Западной Монголии в скифское время (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007а).

Литература

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. — Улан-Батор, 1967

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. — Улан-Удэ, 1998.

Варенов А.В., Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Разведка пазырыкских курганов в Северо-Западной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН). Т. X, ч. 1. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. — С. 211-216.

Ковалев А.А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. — СПб., 2004. С. 249-292.

Ковалев А.А., Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Грушин С.П., Варенов А.В., Омаров Г., Сунгатай С. Изучение археологических памятников в Восточном Казахстане // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул, 2004. — С. 183-190.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та,

2005. С. 178-184.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // *Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками*. — Барнаул. 2007. — С. 80-85.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // *Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии* Тр. САИПИ. — Барнаул. 2007а. — С. 99-105.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен (статья 1999 года) // «А.В.». Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. — СПб., 2007. — С. 25-76.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии*. — Барнаул, 2008. — С. 172-186.

Ковалев А.А. Великая тангутская стена. К интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования // *Теория и практика археологических исследований*. Выпуск 4. — Барнаул, 2008. — С. 103-117.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1994. — 208 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культуригенез. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2002. — 202 с.

Семенов В. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994-1995 годах). — СПб., 1997а.

Семенов В.А. Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура*: Сб. ст. к 60-летию Марка Лазаревича Подольского. — СПб., 2000. — С. 134-157.

Семенов В.А., Чугунов К.В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // *Проблемы археологии степной Евразии*: Тез. докл. — Ч. 2. — Кемерово, 1987. — С. 73-76.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсурэн Л., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительные изыскания) // *Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии*. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. 2006. — С. 107-114.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улаан худаг (Ховдский аймак Монголии) // *Теория и практика археологических исследований*. — Вып. 4. — Барнаул, 2008. — С. 85-92.

Цыбиктаров А.Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // *Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. - Улан-Удэ, 2004. — Вып. 2. — С. 35-49.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хро-

нология) // Петербургский археологический вестник. № 8. — СПб., 1994. — С. 43-53.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). — М., 1979. — 207 с.

Allard F, Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // *Antiquity*. — 2005. Vol. 79, № 305. — P. 547-563.

Erdenebaatar D. Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia // *Этноистория и археология Северной Еразии: теория, методология и практика исследования*. — Иркутск., 2007. — С. 201-209

Kovalev A. Überlegungen zur Herkunft der Skythen aufgrund archdologischer Daten // *Eurasia Antiqua*. — 1999. Bd. 4 (1998). — S. 247-271.

Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphdnamen Хемирхек // *Eurasia Antiqua*. — 2000. Bd. 5 (1999). — S. 135-178.

Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushgiin Цүвр) in Mongolia // *Bulletin of Archaeology, the University of Kanazava*. — 2006. Vol. 28. — P. 61-102.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музеологии

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЫПУСК 4

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2008

А. А. Ковалев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
НИИ комплексных социальных исследований, Санкт-Петербург*

ВЕЛИКАЯ ТАНГУТСКАЯ СТЕНА (к интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования)

Одной из загадок истории Центральной Азии остаются оборонительные сооружения, во множестве зафиксированные исследователями в самом сердце пустыни Гоби – на юге современного Южногобийского аймака Монголии. Особое положение среди них занимает «длинная стена», протянувшаяся более чем на 850 км. Эта стена в соответствии с нашими данными начинается на западе близ горы Алаг уул на границе Китая и Монголии (Ноён сомон), проходит на восток, восток-северо-восток по территориям Ноён, Баяндалай, Хурмэн сомонов Монголии, затем поворачивает на восток-юго-восток и по территории Номгон сомона Монголии, по северным землям знамен (аймаков) Урад-хоуци, Урад-чжунци, Дархан-Муминган-ци Внутренней Монголии, оставляя с юга город Баян-Обо и поворачивая затем на юго-восток, достигает северной границы уезда Учюань. С начала 1960-х гг. это фортификационное сооружение стало предметом полевых исследований археологов Монголии и Китая (см.: Пэрлээ Х. 2001/1962, с. 273; Ли Ию 2001, с. 23). Усилиями советских специалистов сохранившиеся отрезки оборонительного вала были отображены на детальных топографических картах (Баасан Т., 2006, с. 32).

Несмотря на общеизвестность этого грандиозного сооружения, имеющего среди местного монгольского населения наименование «Чингисийн далан» («Вал Чингисхана») или «Хэрмэн дзам» («Стена-дорога»), его назначение и время постройки до последнего времени оставалось загадкой. С монгольской стороны систематических археологических исследований стены не проводилось вовсе (обзор исследовательских работ по монгольским длинным стенам приводится в работе Баасана Т. (2006)). Китайские же археологи, обследовавшие стену со своей стороны практически на всем протяжении, не проводили раскопок этого вала и связанных с ним сооружений, а также не добыли надежных топографических данных по пограничной зоне, что привело к ошибкам как в датировке, так и в дислокации стены. Дело в том, что в двух-сорока километрах южнее описываемой стены во Внутренней Монголии проходит еще один вал, заканчивающийся с востока практически в том же месте, что и «северный». С этой «южной» стеной планиграфически можно связать ряд крепостей (Ли Ию, 2001, с. 24–25), на одной из которых, Чаолукулунь (китайская транскрипция монгольского названия «каменная крепость» – «Чулун хэрэм?»), в Ульдзий сомоне Урад-хоуци аймака, в 1975 г. были проведены раскопки (Гай Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981). Результаты исследования культурного слоя этой каменной крепости, расположенной всего лишь в 450 м. к юго-востоку от «южной» длинной стены, показали, что сооружение относится к ханьскому времени. Здесь были обнаружены фрагменты характерных только для Западной Хань черепичных дисков с круговой надписью «тянь цю вань суй» («тысячу осеней, десять тысяч лет») (см.: Шэнь Юйнянь, 2006, с. 94–96), монета «у-чжу», бронзовые наконечники арбалетных стрел с железными черешками, фрагменты железных пластин от доспехов (Гай Шаньлинь, Лу Сысянь, 1981, с. 27–28). Таким образом, появились археологичес-

кие доказательства для идентификации южной стены с «внешними укреплениями» гуанлу Сюй Чживэя, воздвигнутыми по приказу ханьского императора У-ди в 102 г. до н.э. По данным «Ши цзи», гуанлу построил оборонительную линию начиная от укреплений округа Уюань длиной «тысячу с лишним» ли вплоть до загадочного места под названием «Луцзюй» (видимо, транскрипция хуннуского топонима, как о том трактуют комментарии «Цзицзе» и «Соинь») (Ши цзи, 9, с. 2916; см.: Таскин В.С., 1968, с. 60). Географическая цзюань «Дили чжи» труда «Ханьшу» позволяет уточнить расположение «внешних укреплений гуанлу» («вай чэн»). На территории уезда Гуян ханьского округа Уюань, по словам «Дили чжи», «при выходе на север из [укрепления] Шимэнчжан [расположена крепость] Гуанлуцэн, далее на северо-запад [крепость] Чжицзючэн, далее на северо-запад [крепость] Тоуманьчэн, далее на северо-запад [крепость] Хухэчэн, далее на запад – [крепость] Сулуцэн» (Хань шу, 6, с. 1620). В переводе М.Е. Ермакова (Проблемы географии..., 2005, с. 72) дано: «за поселением Шимэнчжан», однако в данном случае необходимо следовать другому значению иероглифа «чжан» – «преграда» (см. ГХЮДЦД, с. 540), видимо, имеется в виду участок основной оборонительной линии («сай»). Танский трактат «Ко ди чжи» констатирует: «Это и есть линия укреплений и наблюдательных вышек вплоть до Луцзюй» (цит. по: Ши цзи, 9, с. 2916, комм. 3). Исходя из этих сведений, внешние укрепления гуанлу должны иметь длину около 500 км, пролегать в северо-западном и далее в западном направлении, начинаясь от основной оборонительной линии ханьского времени на севере тогдашнего уезда Гуян. Этому описанию полностью соответствует именно южный отрезок внешних стен, зафиксированный китайскими археологами почти на всем своем протяжении по территории Китая. Начинаясь в нескольких километрах севернее ханьской стены в современном уезде Учюань, этот вал идет строго на северо-запад вдоль границы уезда Гуюань, затем на северо-северо-запад по южной части Дархан-Муминган-ци аймака, а затем на запад по территориям Урад-чжунци и Урад-хоуци аймаков, имея общую длину на территории Внутренней Монголии, как пишет Ли Юю, 498 км (Ли Юю, 2001, с. 24; см. ЧГВУДТЦ НМГ, 1, с. 124, 130, 132, 268, 272). Однако китайские исследователи «продолжают» эту стену вплоть до соединения на территории Номгон сомона с вышеописанным монгольским «Валом Чингисхана», получая тем самым дополнительную длину в 300 километров на запад; северный же отрезок они направляют от монгольской границы на север, в сторону Баян-Овоо сомона (Ли Юю, 2001, рис. 2; ЧГВУДТЦ НМГ, 1, л. 268). Не имея дополнительных сведений о постройке северного и южного отрезков укреплений, китайские специалисты идентифицируют и тот, и другой в указанном виде с «внешними укреплениями гуанлу» (Ли Юю, 2001, с. 25–26).

Проведенное мною изучение космических снимков пограничья Монголии и Китая, размещенных на сайте системы «Google Earth», показало, что китайские археологи совершили принципиальную ошибку. Никакой стены, заходящей с китайской стороны на монгольскую территорию и идущей на север к Баян-Овоо, не существует. Монгольский «Вал Чингисхана», пересекая китайскую границу в точке с координатами 41°59.133' СШ и 105°52.559' ВД, непосредственно продолжается по линии исследованного китайцами «северного отрезка» внешних укреплений. Южная же китайская стена не заходит на монгольскую территорию вообще. Она имеет своим крайним пределом на западе точку с координатами 41°47.439' СШ и 105°57.165' ВД, что находится примерно в 7 км к северо-западу от раскопанной крепости Чаолукулунь (координата-

ты – 41°44.021' СШ, 105°59.574' ВД). Таким образом, появляются надежные данные, для того чтобы считать «внешними укреплениями гуанлу» ТОЛЬКО ЛИШЬ «южный отрезок», имеющий соответствующие размеры и конфигурацию, а также связанную с ним крепость ханьского времени. Судя по вышеприведенным данным письменных источников, местность, где кончается на западе южная стена, можно отождествить с Луцзюй, что позволяет с гораздо большей детализацией реконструировать географию ханьско-хуннуского пограничья в I в. до н.э.

Кому же принадлежит честь сооружения 850-километровой стены с севера от этих ханьских «внешних укреплений»? Возможно ли, что этот вал также построен в эпоху войн империи Хань с державой хунну? Ведь «Ши цзи» сообщает о разрушении внешних сооружений хуннскими войсками буквально сразу же после их сооружения (Ши цзи, 9, с. 2916), несмотря на то, что эта оборонительная линия функционировала после этого минимум полвека: в 51 году до н.э. шаньюй Хуханье просил у ханьского императора дозволения расположить свои кочевья около «укреплений гуанлу» (Хань шу, 11, с. 3798; см. Таскин В.С., 1972, с. 36).

С целью установления периода и целей сооружения северной стены Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара провела детальное археологическое обследование пограничной полосы: в 2005 г. – на территории Баян-Далай и Хурмэн сомонов, в 2007 г. – на территории Номгон сомона Южногобийского аймака (см. отчеты экспедиции за 2005 и 2007 гг. в Центре научной информации АН Монголии). В ходе полевых исследований с юга от стены нами были обнаружены пять земляных крепостей (видимо, военных лагерей) размерами в плане от 80х80 до 160х160 м, с высотой вала до 1,5 м (две в Номгон сомоне, а три в Хурмэн сомоне). Еще одну такую крепость мне удалось обнаружить на самом западном отрезке стены на территории Баян-Далай сомона с помощью системы «Google Earth» (координаты 42°10.337' СШ, 102° 25.086' ВД). Одна из крепостей в Номгон сомоне (Шар толгойн хэрэм), обследованная Х. Пэрлээ (2001, с. 272–273) на территории «5-й бригады», около гор Шивээт уул, схожая по конструкции с вышеуказанными, также относится к этой оборонительной линии, если не является одной из обследованных нами. С севера от стены, на горах, в 2005 г. нам удалось найти ряд наблюдательных вышек, сложенных из камня. Эта конструкция оборонительной линии позволяет полностью отбросить фантастические допущения о сооружении стены правителями монголов (Баасан Т., 2006, с. 32), поскольку такая система пограничных укреплений явно предназначена для защиты от нападения с севера. Предпринятая нами шурфовка всех обнаруженных сооружений не выявила следов культурного слоя. Земляные валы крепостей не были усилены какими-либо дополнительными конструкциями, только лишь на крепости севернее горы Хэрэм ундэр в местности Шивээ хатавч в Хурмэн сомоне удалось обнаружить тонкие колышки, воткнутые в вал (против кавалерии?) вертикально несколькими рядами. Сама стена на многих участках была только лишь намечена ее строителями. Скажем, в Номгон сомоне ее первоначальная высота не могла превышать и одного метра. Здесь она была сложена из земли, добытой из неглубоких ровиков по краям. В Хурмэн и Баян-Далай сомонах стена на ряде участков была построена из слоев саксаула и земли, либо, где позволяли условия местности, из камня на высоту до 3 м, однако таких отрезков было немного, на остальном протяжении это сооружение представляло весьма жалкое зрелище. Все это создает впечатление о том, что строители обо-

ронительной линии не смогли полностью реализовать свой замысел и вынуждены были оставить этот рубеж через несколько месяцев после начала работ.

С целью определения даты сооружения оборонительной линии нами для радиоуглеродного анализа в ходе экспедиции 2005 г. в Хурмэн сомоне были взяты образцы дерева, в том числе стволов саксаула, слагающих длинную стену, колышков из крепостного вала и вкопанных столбов в лагере-крепости Хэрэм ундэр, а также деревья из нижнего горизонта (на скальном основании) шурфа в каменной башне, построенной с севера от стены над горным проходом Шивээ хатавч. Все эти образцы были исследованы в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. Полученные результаты оказались совершенно неожиданными (см. табл.). При всей возможной неточности радиоуглеродного датирования оборонительные сооружения «Вала Чингисхана» должны быть теперь отнесены к средневековью. При этом обращает внимание разделение полученных восьми дат на две группы: к первой (Ле-7515, Ле-7984, Ле-7985, Ле-7986) относятся определения возраста коновязи (?) и колышков из крепости Хэрэм ундэр, остатков дерева из нижнего слоя форта Шивээ хатавч, а также ствола саксаула из длинной стены в 4 км западнее прохода Шивээ хатавч. Все эти образцы дали даты начиная с X по конец XIII в. По четырем образцам из второй группы – саксаулу из длинной стены близ двух вновь открытых нами крепостей в районе гор Хара шивэний хэц 12–20 км восточнее Шивээ хатавч – были получены четыре даты (Ле-7980, Ле-7981, Ле-7982, Ле-7983), полностью укладывающиеся в XIV в. Расхождение между двумя группами никак не может быть объяснено, исходя из периода жизни исследованного растения (в основном гобийского саксаула (*Haloxylon ammodendron*)), который составляет около 50 лет. Не подходит и предположение о «достройке» укреплений. Ведь за указанный период Южная Гоби неоднократно переходила из рук в руки. С XI в. эта территория входила в состав тангутского государства Си Ся. В начале XIII в. она была завоевана Чингисханом, вошла в состав Юаньской империи, после падения династии Юань в Китае в 60-х гг. XIV в. осталась под юрисдикцией Чингизидов, однако превратилась в арену постоянных военных столкновений между войсками династии Мин и монголами. Поскольку монгольским правителям Китая в XIII–XIV вв. не было никакого смысла строить заградительную линию от нападений с севера, «Вал Чингисхана» мог быть сооружен либо до уничтожения государства Си Ся (в этом случае он был построен тангутами для защиты от монголов), либо после падения юаньской династии (в этом случае его соорудили как передовую линию обороны от монголов правители династии Мин).

С точки зрения естественно-научной корректности и применимости данных анализа обеих групп образцов будет уместным вспомнить, что пустыня Гоби в XX в. подверглась массивированному воздействию наземных и воздушных ядерных (с 1967 г. – термоядерных) взрывов, проводимых Китаем на полигоне Лоб-нор с 1964 по 1980 г. За это время там были проведены 23 атмосферных испытания общей мощностью 20920 килотонн (что в три раза больше суммарного энерговыделения наземных взрывов СССР на Семипалатинском полигоне) (Ядерное разоружение..., 2001, раздел 2.-1). Последствия загрязнения при взрыве радиоактивными веществами образцов для радиоуглеродного анализа оценить достаточно сложно. Они зависят как от характера соответствующего ядерного устройства, так и от атмосферных условий в день испытаний и последующий период. Детальных исследований характера радиоактивного загрязнения территории Монголии пока не проводилось. Однако в любом

случае наибольшему воздействию продуктов радиоактивного распада должны были подвергаться объекты, находившиеся в 1964–1980 гг. на поверхности земли. Известно, что использование в хронометрии космогенных нуклидов может затрудняться нуклео-генным вкладом в исследуемый изотоп; такое воздействие исследовалось на примере ядерных реакций в радиоактивных природных примесях (Вагнер Г.А., 2007, с. 136), но последствия попадания радиоактивного вещества на поверхность мертвого дерева или иного органического образца не были предметом изучения. Однако можно пред-ложить следующую модель. Выделяющиеся при ядерном взрыве продукты деления представляют собой сложную смесь более чем 200 радиоактивных изотопов 36 эле-ментов (от цинка до гадолиния). Среди них с атмосферными осадками выпадает боль-шое количество долгоживущих нуклидов ^{90}Sr , ^{137}Cs . Кроме того, в нижней части атмос-феры, особенно после термоядерного взрыва, распространяются (и выпадают вместе с осадками) радионуклиды наведенной активности тяжелее воздуха (^{28}Al , ^{24}Na , ^{56}Mn , ^{59}Fe , ^{60}Co и др.), а также оставшиеся неразделившимися радиоактивные атомы урана и плутония (Василенко О.И. и др., 1996). При дальнейшем распаде этих радиоактивных изотопов, попавших на поверхность какого-либо органического объекта, выделяются нейтроны, при воздействии которых содержащиеся в органике атомы азота ^{14}N теоре-тически могут преобразоваться в радиоактивный изотоп углерода ^{14}C . Таким образом, процентное содержание изотопа ^{14}C в датированном образце должно увеличиваться, что приводит к омоложению даты. Приведенные рассуждения, естественно, вызывают серьезные сомнения в достоверности радиоуглеродных датировок тех памятников, ко-торые находились, можно сказать, в эпицентре китайских ядерных взрывов – в пусты-не Такла-Макан и соседних областях (сводку радиоуглеродных дат по Синьцзяну см.: Mei J., 2000, p. 172–174). Могильники и поселения эпохи бронзы–раннего железа в этих местах часто не перекрыты позднейшими отложениями; деревянные гробницы, устроенные на древней дневной поверхности (Гумугоу, Сяохэ), так и стояли открытые всем ветрам в период проведения термоядерных взрывов.

Воздействию выпадающих после термоядерного взрыва радионуклидов должны были в наибольшей степени подвергнуться образцы второй группы, давшие поздние даты, в пределах XIV в.: все они были отобраны из верхних слоев дерева «длинной стены» на высоте около 1–2 м от уровня современной поверхности. Образцы первой («ранней») группы должны были в указанный период находиться под землей: от вко-панных посреди крепости-лагеря Хэрэм ундэр двух столбов-«коновязей» сохранились только нижние части (Ле-7515), то же самое можно сказать и об остатках деревянных колышков из стены этой крепости (Ле-7985), дерево из форта Шивээ Хатавч извлечено из шурфа с глубины около 1 м (Ле-7986), а взятый для анализа (Ле-7984) ствол сак-саула из длинной стены западнее Шивээ хатавч лежал в наносной глине практически на уровне современной поверхности: в этом месте стена была сильно разрушена или недостроена. Таким образом, радиоуглеродные даты второй группы, указывающие на постройку оборонительной линии в позднее – минское – время, не должны быть опор-рой для датирования. Более вероятным оказывается сооружение стены и крепостей тангутами в период войн с армиями Чингисхана. Но насколько это соответствует дан-ным письменных источников?

В эру правления Хунью (1368–1398 гг.) основатель империи Мин Чжу Юаньч-жан вел постоянные войны против Чингизидов и других монгольских правителей и

полководцев, контролировавших территорию Ордоса, пустыню Алашань и горы Иньшань. Отдельные армии китайцев доходили вплоть до Каракорума и реки Орхон, однако о постройке минцами оборонительной линии в пустыне Гоби источники не говорят ни слова. Действительно, ведь в минскую эпоху китайские пограничные крепости и гарнизоны размещались гораздо южнее (Тун Яохуй, 2004, с. 48–54). Эти укрепления были устроены по северной границе нынешней провинции Ганьсу, затем шли на восток к Гуюани (Нинся) и, продолжаясь вдоль нынешней северо-западной границы провинции Шэньси, достигали восточного отрезка излучины Хуанхэ, шли дальше на восток примерно по северной границе провинции Шаньси и далее, по южным отрогам гор Яньшань, проходили в 30 км севернее современного Пекина (где организован их туристический показ). Так что территория Китая в минское время никак не могла охватывать пустыню Алашань, находящуюся с юга от «Вала Чингисхана». Как мы видим, власть династии Мин не распространялась даже на пригодные для земледелия земли по северному берегу излучины Хуанхэ, которые осваивались китайцами начиная с конца IV до н.э., с завоевательных походов чжаоского Улин-вана (Ши цзи, 9, с. 2885). По границе тогдашней провинции Ганьсу, за укрепленной линией, имелись владения зависимых от Китая монгольских племен, в том числе Аньдин, Адуань, Цюйсянь, Чициньмэнгу, Шачжоу, Ханьдун, Хамэйли, однако власть этих владений распространялась на север не далее нынешних пределов Ганьсу, Цинхая и Нинся (Bretschneider E., 1888, p. 205–220; Покотилов Д.Д., 1893, с. 43). То же самое можно сказать и о монгольских гарнизонах Уцзин, Гаочан, Цишань, Сыпин, Сыбаучи, Мэнгуцзюнь, Мэцицзюнь (Serruys H., 1961, p. 265–266). Положение зависимых монголов в Ганьсу подробно разобрано Анри Серрюисом (Serruys H., 1961), который отмечает, что если до конца периода правления Хуньзу шел процесс подчинения сохранявших свои земли пограничных монгольских и уйгурских племен и родов, то после стабилизации границы в начале XV в. независимое монгольское население, проживавшее с севера от пограничной линии, стало в массовом порядке переселяться на китайскую территорию, под защиту минских пограничных войск; частью эти монголы перемещались во внутренние земли Китая (Serruys H., 1961, p. 271–282). На востоке урянхайские и чжурчжэньские племена образовывали северный внешний заслон для защиты Бэйпина и Ляодуна; однако и здесь подвластные китайцам инородцы не могли селиться на западе далее современного Чжэнцзякоу (Покотилов Д.Д., 1893, с. 15; Francke W., 1945, p. 14–16). Таким образом, интересующая нас территория современного Автономного района «Внутренняя Монголия» от оз. Гашун-нур на западе до Чжэнцзякоу (Калгана) на востоке в эпоху династии Мин не находилась под контролем китайской державы. Тем более отсутствуют и сообщения о постройке здесь оборонительной линии (см. собрание сведений о постройке минских стен в Чанчэн вэньхуа цзыляо цзилюэ, 1981, с. 135).

Рассмотрим, возможно ли было создание оборонительной линии с севера от пустыни Алашань в ходе масштабных наступательных операций в гобийские пределы, предпринимавшихся минскими войсками в конце XIV–XV вв.

В 1372 г. западный отряд армии Сюй Да под руководством Пин Шэна и при участии Фу Юдэ в качестве начальника авангарда, разбив монгольскую армию в районе современных уездов Линчжоу и Юнчан провинции Ганьсу, дошел на севере до озера Гашун-нур, а на западе до уезда Аньси в Ганьсуском коридоре (Покотилов Д.Д., 1893,

с. 5; Francke W., 1945, p. 9). Как сообщает биография Пин Шэна (Мин ши, цз. 129), следом за разгромом монголов на Гашун-нуре (Ицзинайлу) этот полководец продвинулся в некие горы Бедушань, где от него сбежал начальствовавший там ци-ван Доэрчжибань, что позволило взять в плен 27 пинчжанов – юаньских чиновников, а также захватить богатую добычу: более десяти тысяч голов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. В то же время Фу Юдэ продвинулся по Ганьсускому коридору на запад – до Гуашачжоу, располагавшегося в современном уезде Аньси (Francke W., 1945, p. 9). Горы недалеко от Гашун-нур с многочисленным населением, стадами лошадей и даже крупного (!) рогатого скота мы можем обнаружить только на север от пустыни Алашань – в Южногобийском аймаке Монголии.

Несмотря на впечатляющую победу, китайцам не удалось закрепиться даже в районе р. Эдзин-гол и оз. Гашун-нур, где еще в ханьскую эпоху стояли имперские гарнизоны. Это подтверждается тем, что через восемь лет, весной тринадцатого года Хуньу (1380 г.), минские войска под руководством западного пин-хоу Му Ина вновь выступили в Гоби для нападения на Ицзинайлу. Цзюань 337 «Мин ши», посвященная истории монгольских племен, ошибочно повествует о достижении Му Ином столицы Монголии – Каракорума (Хэлинь). Это утверждение, некритично воспроизведенное Д.Д. Покотилковым (1893, с. 9), опровергается текстом более объективных «хроникальных» источников: «Мин Тай-цзу шилу» (цз. 130), императорских анналов и биографии Му Ина из «Мин ши» (цз. 2, 126) (Francke W., 1945, p. 11). Исходя из наиболее подробного отчета об экспедиции Му Ина, приведенного в цзюани 130 «Мин Тай-цзу шилу» (с. 2074) и почти дословно переданного в цзюани 126 «Мин ши», армия Му Ина не позднее третьего месяца (апрель) вышла из Линчжоу (современный уезд Линьфу в Нинся, на правом берегу Хуанхэ), переправилась на западный берег Хуанхэ, перевалила горы Хэланьшань (на границе Нинся и Внутренней Монголии), в течение семи дней и ночей пересекла пустыню (Алашань?) «вплоть до ее (северной) границы». Затем, пройдя еще 50 ли и разделив войска на четыре части, Му Ин сумел разбить многочисленные войска монголов и пленить их руководителей Тохочи, Айцзу и других. Судя по тексту «Мин Тай-цзу шилу» и цзюани 2 «Мин ши», поход Му Ина завершился в районе Ицзинайлу (оз. Гашун-нур). На этом подвиги Му Ина на западе заканчиваются. Весной следующего года он принял участие со своими войсками в походе на восток Внутренней Монголии, предпринятый против монгольского пинчжана Наир-бухи (Найэрбухуа), при этом вышел «другим» (по сравнению с прошлым годом) путем на север за пределы укрепленной линии, захватил вражескую засечную линию в горах Гунчжишань, уничтожил здесь пограничную стражу, разгромил четыре племени (?) Цюаньнин, переправился через реку Луцзюйхэ (Мин Тай-цзу шилу, цз. 137, с. 2162–2163, Мин ши, цз. 126), т.е. достиг на востоке как минимум реки Шара-Мурэн (Francke W., 1945, p. 11–12). Сразу же после этого Му Ин вместе со своей армией был под началом Фу Юдэ отправлен на юг для завоевания Юньнани (Мин ши, цз. 126).

Вновь мы встречаемся с попыткой вторжения китайских войск на территорию Южногобийского аймака только лишь в 1437 г. В это время большое беспокойство китайцам своими набегами на Ганьчжоу и Лянчжоу доставляли урянхайцы, переселившиеся с востока в район р. Эдзин-гол. Против этих монгольских аилов, которыми руководили Атай-ван и Доэрчжи(Дорж)-бо, в первом году эры правления Чжэнтун (1436 г.) выступил полководец Чэнь Мао, который разбил Доржа в Пинчуани и гнал его войска

до неких гор Суушань. Зимой второго года (зима 1437/1438 гг.) начальником похода против урянхайцев был назначен Ван Цзи, которому были приданы отряды Цзян Гуя и Чжао Аня, а также Жэнь Ли (Мин ши, цз. 327; см. неполное изложение событий: Покотилев Д.Д., 1893, с. 50). Весной 1438 г. объединенная армия выступила «за пределы укрепленной линии»; об этом походе подробно повествуют биографии Ван Цзи (Мин ши, цз. 171), а также Цзян Гуя, Чжао Аня и Жэнь Ли (Мин ши, цз. 155). Судя по этим источникам, Ван Цзи вышел в поход вместе с Цзян Гуем и Жэнь Ли, первую победу над отрядами Доржа они одержали по Шичэном (по-китайски – «каменная крепость», возможно, имеется в виду сооружение типа открытых нами в 2007 г. в горах на юге Номгон сомона (Булак, Хэрмэн цаган овоо) каменных крепостей-загонов для скота, которые в этом случае были построены урянхайцами в 1-й четверти XV в.). Как сказано в биографии Цзян Гуя, эта крепость Шичэн находилась в районе гор Ланшань («Волчьи горы», скорее всего, подразумеваются горы с тем же современным названием с северо-запада от излучины Хуанхэ). Дорж и Атай отошли в местность Улунай. Тогда Цзян Гуй во главе двух тысяч пятисот конников погнался за Атаем, за три дня и ночи достиг отступивших монголов и наголову их разбил. Ван Цзи вместе с Жэнь Ли другим путем прошли до Утунлинь и далее на Ицзинай (оз. Гашун-нур), где нанесли поражение урянхайцам. Где-то здесь с ними соединился Цзян Гуй; вместе они отогнали остатки монгольских аилов до Хэйцюань (по-китайски – «Черный источник»). Чжао Ань выступил отдельно: он выдвинул свои войска из Чаннина, дошел до Дяолигоу, где вступил в сражения с монголами. В целом, преследуя Доржа вплоть до его полного разгрома, войска, как сказано в биографии Ван Цзи, преодолели по пустыне «тысячу ли» (около 400–500 км). Местности, в которых проходили сражения, в основном не локализованы современными исследователями, однако, исходя из выступления войск Ван Цзи на горы Ланшань и последующего похода на оз. Гашун-нур, можно утверждать, что минские войска двигались с севера от пустыни Алашань: Ван Цзи и Жэнь Ли, по-видимому, напрямик, а Цзян Гуй в погоне за Атаем – с отклонением на монгольскую территорию; Хэйцюань, скорее всего, находился на землях Южногобийского аймака. Все отряды, судя по контексту, вернулись после похода на китайскую территорию.

Таким образом, можно заключить, что юг Южногобийского аймака Монголии и степные территории к северо-западу и северу от современных гор Ланшань во Внутренней Монголии не могли оказаться под военным контролем империи Мин в такой степени, чтобы это могло позволить китайцам соорудить укрепленную линию длиной 850 км. Спорадические военные походы китайцев приводили в лучшем случае к разгрому в этом районе тех или иных группировок монгольских войск, однако минские правители не смогли установить даже протекторат над местным монгольским населением.

Государство Си Ся, напротив, владело территорией к северу и северо-западу от гор Ланшань и пустыней Алашань. Монгольскими правителями Китая именно на землях тангутов, как подчеркнуто в «Юань ши» (см. запись под восьмым годом эры правления Чжиюань (1271 г.) в 93 цзюани), был учрежден округ Улахай-лу, которому были подведомственны земли Алашаньских, Уратских аймаков и Бэйхэ (ЧГЛШДМДЦД, 1, с. 161). Правитель Си Ся Юаньхао еще в 1035 г. учредил по своим границам 12 военных управлений («цзюньсы»), среди которых мы находим Хэйшуй чжэньян, Байма цянчжэнь и Хэйшань вэйфу (Сун ши, цз. 485, Си Ся шу ши, цз. 12), занимавших именно эти земли

(см. ЧГВУДТЦ НМГ, 1, с. 44). Управление Хэйшуй чжэньянь располагалось в районе оз. Гашун-нур; его административным центром, скорее всего, был Хэйшуйчэн (Хара-хото), при династии Юань здесь образован округ Ицзинайлу (ЧГЛШДМДЦД, с. 2556). Еще в 987 г. Цицянь – дед Юаньхао – использовал р. Хэйшуйхэ (совр. Эдзин-гол) в качестве базы для нападений на китайские округа на территории нынешнего Нинся (Си Ся шу ши, цз. 4). Военное управление Байма цяньчжэнь, скорее всего, распространяло свою юрисдикцию на земли Алашаньского левого аймака Внутренней Монголии (ЧГЛШДМДЦД, 1, с. 771). Управление Хэйшань вэйфу охватывало, видимо, земли нынешних Уратских среднего и заднего аймаков (Улатэчжунци, Улатэхоуци) Внутренней Монголии (ЧГЛШДМДЦД, 2, с. 2554, Си Ся шу ши, цз. 12). Имеется мнение и о том, что имелись в виду другие горы Хэйшань и, соответственно, одноименное военное управление располагалось значительно южнее, в районе гор Луншоушань (уезд Шаньдани провинции Ганьсу) (Ван Бэйчэнь, 2000, с. 385; ЧГЛШДМДЦД, 2, с. 2554). Вопрос о расположении управлений Хэйшуй и Хэйшань подробно рассмотрен в статье Бао Туна, который приходит к выводу о локализации гор Хэйшань с севера от Хуанхэ, на юге Уратского среднего аймака; здесь он помещает также упоминаемую источниками крепость Улахай, которая, по мнению большинства исследователей, была административным центром Хэйшань вэйфу; Бао Тун предполагает, что Улахайчэн – это обнаруженная археологами в двух километрах к северу от волости Синьхужэ огромная крепость, добытый в пределах которой немногочисленный подъемный материал относится, по его мнению, к цзиньскому и юаньскому времени (Бао Тун, 1994). Обследования этой крепости, проведенные в 1970-х гг., показали, что она функционировала как минимум в эпоху Юань. Крепость имеет прямоугольную форму размерами в плане 800x850 м, высота земляных стен достигает 8 м, толщина – 10 м. С четырех сторон устроены проемы для ворот шириной 5 м, защищенные дополнительными стенами (Ли Юю, 1986, с. 97, ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 626). Расположение крепости Синьхужэ как нельзя лучше соответствует источникам (Бао Тун, 1994, с. 67): она находится непосредственно с севера от гор в 30 км к югу от «Вала Чингисхана», защищая проход к Хуанхэ (на Уюань и Баотоу) одновременно от угрозы с севера (монголы) и с северо-востока (чжурчжэни); тем более, что, как предполагается, тангутское название Оуи-гаса (кит. «Улахай») означает «проход в (длинной) стене» (Ван Бэйчэнь, 2000, с. 386). Наличие юаньского материала на территории крепости косвенно подтверждает эту гипотезу: ведь впоследствии монголами на территории Си Ся был организован округ Улахай-лу (см. выше). Кроме того, по размерам укрепление Синьхужэ явно превосходит уездные города и соответствует известным окружным («лу») юаньским центрам – Инчан-лу (650x800 м), Дэнин-лу (960x574 м) (Ли Юю, 1986, с. 106). Локализация укрепления Улахай в Уратском среднем аймаке соответствует также сообщению цзюани 60 «Юань ши» о том, что монголы прорвались в 1209 г. в Хэси по проходу «севернее Хэйшуйчэн (Хара-Хото) и западнее Улахая» (см. ниже). Этого никак нельзя было бы сказать при размещении Улахая прямо на юг от Хара-Хото, в горах Луншоушань. Придерживающийся «южной» локализации Улахая Ван Бэйчэнь обратил внимание на это обстоятельство, но предпочел поставить под сомнение достоверность сведений этой географической главы «Юань ши» (Ван Бэйчэнь, 2000, с. 390).

До наших дней дошли сведения о направлениях ударов монгольских войск в ходе нескольких кампаний против Си Ся, показывающих военную значимость рассматри-

ваемого рубежа. Как следует из «Юань ши» и компиляции У Гуанчэна, в 1207 г. нападение на Си Ся ограничилось захватом крепости Волохай (Улахай), где монголы оставались несколько месяцев (Юань ши, цз. 1, Си Ся шу ши, цз. 40). Весной 1209 г. монгольские войска вторглись на территорию Хэси: как сообщает «Юань ши», перед этим монгольские войска прошли через «пограничный проход», располагавшийся «к северу от Хэйшуйчэн и к западу от Улахай» (Юань ши, цз. 60: «Ю Хэйшуйчэн бэй Улахай си гуанькоу фан Хэси»); через месяц сдалась и крепость Улахай (Юань ши, цз. 1, Си ся шу ши, цз. 40). Весной 1226 г. монгольские войска «прошли через пустыню», вторглись в Хэси и взяли Хэйшуйчэн (Хара-Хото), затем отправились на летние пастбища в горы Хуньчуйшань в западной части Ганьсу (Си Ся шу ши, цз. 42). «Сокровенное сказание» повествует о том, что осенью этого года монгольские войска опять «взяли Улахай», а затем осадили Линчжоу (Юань чао биши, цз. 14). Напротив, в династийной истории «Юань ши» (расширенно – в компиляции «Сися шу ши») говорится о том, что летом и осенью монголы последовательно захватывали тангутские укрепленные пункты на западе Ганьсу, а затем, к декабрю, напали на Линчжоу (Юань ши, цз. 1, Си ся шу ши, цз. 42). Рашид-ад-дин в рассказе об этом походе говорит: «Когда Чингисхан прибыл в область Тангут, то прежде всего захватил такие города, как Гам-джиу, Су-джиу, Ка-джу и Урукай, а город Даршакай [Линчжоу. – А.К.] осадил и поджег» (Рашид-ад-дин, 1952, с. 231). Это подтверждает информацию «Сокровенного сказания» о взятии, в том числе и Улахая (в рукописях книги Рашид-ад-дина «Урукай», «Аруки»). Показательно, что Улахай помещен летописцем в конец списка городов, перечисляемых с запада на восток: Ганьчжоу, Сучжоу, Сячжоу. Согласно китайским источникам, именно в такой последовательности эти города и завоевывались Чингисханом осенью 1226 г. (Си Ся шу ши, цз. 42). В результате весь запад государства Си Ся оказался оккупирован монголами. Перед началом осады столицы – Линчжоу – Чингисхану необходимо было обезопасить себя от нападения с севера, т.е. взять Улахай и отрезать тем самым военные силы тангутов на северной границе. Сообщение о взятии Улахая после победного похода монгольской армии по территории Си Ся с запада на восток подтверждает справедливость мнения о локализации Улахая на северо-востоке тангутского государства.

Монголы, таким образом, регулярно проникали на территорию Си Ся именно через интересующий нас рубеж. Особое внимание обращает тот факт, что, как следует из приведенного сообщения цзюани 60 «Юань ши», между Хэйшуйчэн и Улахай, как раз по линии «Вала Чингисхана», имелся некий «гуанькоу» («пограничный проход», «пограничный пункт», «проход среди застав»), т.е. граница здесь была соответствующим образом обустроена.

Кроме этого, имеются и археологические свидетельства присутствия тангутов непосредственно на этом рубеже. В ходе археологических разведок на ряде крепостей в Уратских аймаках в районе «внешних стен» были обнаружены типичные тангутские артефакты: фрагменты фарфоровых сосудов с черной и желтой глазурью, что позволило китайцам сделать вывод об использовании этих укреплений государством Си Ся (китайские археологи исходят из убеждения о том, что все крепости, размещавшиеся вдоль двух линий «внешних укреплений», должны были быть построены в ханское время, хотя там не найдено датирующих предметов). В атласе культурного наследия Внутренней Монголии приводятся следующие крепости, на территории которых был собран тангутский подъемный материал (названия даю в китайской транскрипции).

Уратский средний аймак (Улатэ-чжунци) – Ажихудугэ (квадратная со стороной 54 м, высота земляных стен до 1,5 м, ширина 3 м, проем для ворот устроен с южной стороны, расположена между «северной» и «южной» стенами в примерно в 5–10 км от «северной») (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 626). Уратский задний аймак (улатэ-хоуци) (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 618–619) – Уланьхушу (квадратная со стороной 120 м, высота земляных стен до 1 м, ширина 3 м, по четырем углам башни, с восточной стороны проем шириной 6 м, расположена примерно в 15 км к югу от обеих укрепленных линий, которые здесь практически смыкаются); Чаганьежи (квадратная со строной 120 м, высота земляных стен 1,2 м, ширина 3,5 м, выделены башни по углам, с восточной стороны проем шириной 6 м, расположена с юга от крепости Уланьхушу); Угай (прямоугольная, с запада на восток 100 м, с севера на юг 82 м, каменные стены высотой 1 м, шириной 2,5 м, с южной стороны проход шириной 4 м, находится на северном склоне гор Иньшань, в 40 км к югу от внешних стен); Хунци (квадратная со стороной около 110 м, высота земляных стен 0,5 м, ширина 2 м, с восточной стороны проход шириной 7 м, расположена в пяти км южнее северной стены); Хажиусу (прямоугольная, с запада на восток 150 м, с севера на юг 100 м, высота земляных стен 0,5 м, ширина 3 м, с восточной стороны проход шириной 6 м, находится между северной и южной укрепленными линиями). Памятники с тангутским материалом найдены и на крайнем севере Алашаньского правого аймака, на землях Суньбужи сомона, непосредственно прилегающих к монгольской границе, на выходе из горного прохода, соединяющего пустыни Гоби и Алашань (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 634): Таланьбайсин (прямоугольная, в плане 45x25 м, высота каменных стен 2,5 м, толщина 1,2 м, в северо-западном углу каменный донжон в плане 15x15 м со стенами высотой 7,4 м, внутри устроен каменный пандус); Уланьбайсин (квадратная со стороной 20 м, каменные стены высотой 1 м, толщиной 1,2 м, с южной стороны проем шириной 2,8 м, в северо-западном углу каменный донжон 5x5 м в плане со стенами высотой 5 м, внутри донжона каменный пандус); Ухайсибо (квадратная с каменными стенами длиной по 200 м, высотой 1 м, толщиной 1,3 м, с южной стороны проем шириной 3 м). Необходимо отметить, что исследованная нами в Хурмэн сомоне сторожевая башня Шивээ хатавч, защищавшая с севера проход в гористую местность между Гоби и Алашань, также имела внутри широкий каменный пандус.

Обращает на себя внимание, что, в отличие от перечисленных, три крепости в Улатэхоу аймаке, размером примерно по 130x130 м и толщиной стен около 6 м, расположенные подряд с юга от южной укрепленной линии на расстоянии от нее в несколько сот метров, включая упомянутую в начале статьи Чаолукулунь, ханское время сооружения которой неоспоримо, имеют внешние укрепления – изогнутую стену, защищающую ворота. Скорее всего, все они построены по одному плану с «укреплениями гуанлу» в ханское время (хотя на двух из них имеется тангутский материал). Вместе с ними как ханские нужно рассматривать и расположенную дальше на восток, также непосредственно у южной стены, крепость Улицзигаолэ. Это сооружение имеет размеры в плане также около 130x130 м, толщину стены 6 м. Далее на восток такая крепость обнаружена непосредственно у южной стены в Уратском среднем аймаке – это укрепление Ажихужэ также имеет размеры 130x130 м и внешнюю стену с восточной стороны от ворот, в 15 километрах к востоку от нее и в 250 м от той же стены расположена еще одна крепость размерами 135x135 м с внешней стеной, защищающей ворота – Во-бээрхужэ (ЧГВУДТЦ НМГ, 2, с. 626).

Итак, результатом полевых изысканий, лабораторных исследований и работы с историческими источниками стал вывод о принадлежности «Вала Чингисхана» – оборонительной линии, протянувшейся с запада на восток более чем на 850 км через гобийскую пустыню, – тангутскому государству Си Ся. Здесь проходила его северная граница, и именно здесь тангуты старались укрепить оборонительные рубежи в ожидании вторжения монгольских войск. Построенная в явной спешке, а в большинстве своем недостроенная оборонительная линия все же позволяла в случае военной угрозы быстро развернуть войска на подготовленных позициях. Тем более, что западная часть стены шла вдоль горных хребтов, что способствовало обороне. На горных кряжах с севера от вала были устроены наблюдательные вышки и сигнальные башни. Но и это не помогло. Армии монголов еще в 1209 г. прошли через заставы настолько стремительно, что тангутская армия не успела выдвинуться к границе, а в ходе решающей кампании 1226–1227 гг. Чингисхан обошел пограничный вал с запада, взял Хара-Хото и отрезал северный рубеж от основных сил тангутов. Монголы организованно и методично подавили сопротивление городов Си Ся, вырезали их население. В разгромленном государстве тангутов не осталось людей, способных донести до потомков историю постройки антимонгольской великой стены. По иронии судьбы она получила в монгольском народе прозвание «Вал Чингисхана».

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ СООРУЖЕНИЙ
ГОБИЙСКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ЛИНИИ
(по данным радиоуглеродной лаборатории ИИМК)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), AD	Интервал калиброванного возраста (95,4%), AD
Крепость Хэрэм ундэр, коновязь (?)	Le-7515	дерево	1135±20	890–905 915–960	880–990
Крепость Хэрэм ундэр, колья из стены	Le-7985	дерево	780±30	1220–1270	1210–1285
Форт Шивээ хатавч, шурф, штык 3	Le-7986	дерево	820±30	1185–1265	1050–1080 1150–1280
Длинная стена, в 4 км к западу от Шивээ хатавч	Le-7984	дерево	770±16	1225–1235 1240–1275	1220–1275
Длинная стена около крепости 2	Le-7982	дерево	690±16	1275–1295	1270–1300 1360–1390
Длинная стена около крепости 2	Le-7983	дерево	610±20	1300–1325 1340–1365 1380–1400	1290–1400
Длинная стена около крепости 3	Le-7980	дерево	620±25	1295–1325 1345–1370 1375–1395	1290–1400
Длинная стена около крепости 3	Le-7981	дерево	605±25	1305–1330 1335–1365 1380–1400	1290–1410

Библиографический список

- Баасан Т. Чингисийн далан гэж юу вэ? Улаанбаатар. 2006. 131 с.
- Бао Тун Улахай чэн диван хэ Чэнцзисыхань чжэн Си Ся цзюньши дили си (Локализация крепости Улахай и географический анализ военных кампаний Чингисхана против Си Ся) // Нинся шэхуй кэсюэ. 1994. №6. С. 63–70.
- Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера. 2006. 575 с.
- Ван Бэйчэнь Чэнцзисыхань чжэнфа Си Ся дили као (Географическое исследование карательных походов Чингисхана против Си Ся) // Ван Бэйчэнь сибэй лиши дили луньвэнь цзи (Сборник статей Ван Бэйчэня об исторической географии северо-запада). Пекин, 2000. С. 384–390.
- Василенко О.И., Ишханов Б.С., Капитонов И.М., Селиверстова Ж.М., Шумаков А.В. Радиация. М., 1996 (Электронная версия <http://nuclphys.sinp.msu.ru/radiation/>).
- Гай Шанлинь, Лу Сысянь Чаогэ ци Чаолукулунь Хань дай ши чэн цзи ци фуцзиньдэ чанчэн (Каменная крепость ханьского времени Чаолукулунь в аймаке Чаогуэ и длинная стена поблизости от нее) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 25–33.
- Гу ханью да цыдянь (Большой словарь древнекитайского языка). Шанхай. 2002. 2614 с.
- Ли Юю Нэймэнгу Юань дай чэнчжэн гайкуан (Очерк юаньских крепостных укреплений Внутренней Монголии) // Нэймэнгу вэньу каогу. 1986. Т. 4. С. 87–107.
- Ли Юю Чжунго бэйфан чанчэн каои (Обзор исследований длинных стен Северного Китая) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2001. №1. С. 1–51.
- Мин ши (История династии Мин) / Чжан Яньюй – авт. <http://www.hkedcity.net/project/newasia/resources/25/mingshi/>
- Мин Тай-цзу шилу (Записи событий эпохи царствования минского Тайцзу). Тайбэй, 1962. 3719 с.
- Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Вост. лит., 2005. 439 с. (Страны и народы Востока. Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4).
- Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин. СПб., 1893. 230 с.
- Пэрлээ Х. Өмнөговь, Өвөрхангай аймгуудын говь талын нутгаар эртний судлалын хайгуул хийсэн нь (1962 он) // Академич Х.Пэрлээ. Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүд. Улаанбаатар, 2001. Т. I. С. 270–280.
- Рашид ад-Дин: Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1952. Т. I, ч. 2.
- Си Ся шу ши / У Гуанчэн – авт. <http://www.guoxue123.com/biji/qing2/xxss/>
- Сун ши (История династии Сун) / То То – авт. <http://www.xyasa.net/a200/h350/20songshi/>
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам): Предисл., пер. и комм. В.С. Таскина. М., 1968. Вып. 1. 176 с.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам): Предисл., пер. и прим. В.С. Таскина. М., 1973. Вып. 2. 171 с.
- Тун Яохуй Мин чанчэн цзи бянь вэй со чжидудэ шэчжи ю гуаньли (Учреждение и управление системой застав великой стены династии Мин) // Тан Яохуй. «Ва хэ цзи» – чанчэн яньцзю вэньлунь («Ва хэ цзи» – сборник статей о длинных стенах). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 44–59.
- Хань шу (История династии Хань) / Бань Гу – автор. Янь Шигу – комм. 10-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. Т. 1–12. 4273 с.
- Чанчэн вэньхуа цзыляо цзильюэ (Сокращенное собрание письменных сообщений о длинных стенах) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 119–140.
- Чжунго вэньу дитуцзи. Нэймэнгу цзычжи цю фэнцэ (Атлас культурного наследия Китая. Автономный район Внутренняя Монголия). Чжунго вэньу цзюй (Управление культурного наследия Китая) – изд. Сиань: Сиань диту чубаньшэ, 2003. Т. 1. 440 с.; Т. 2. 650 с.
- Чжунго лиши димин да цидянь (Большой исторический словарь географических названий Китая) / Ши Вэйлэ – авт. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2005. Т. 1–2. 255 с., 2990 с., разд. паг.
- Ши цзи (Записи историка) / Сыма Цянь – авт. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ – комм. 14-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1996. Т. 1–10. 3322 с., 56 с. прил.

Шэнь Юйнянь Чжунго гудай вадан яньцзю (Исследование древних черепичных дисков Китая). Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2006. 340 с.

Юань чао биши (Секретная история юаньской династии) <http://www.hqhot.com/html/16/forumdisplay-fid-16-page-2.html>

Юань ши (История династии Юань) / Сун Лянь – авт. <http://www.yifan.net/yihe/novels/history/yuanssl/yuas.html>

Ядерное разоружение, нераспространение и национальная безопасность / И.А. Андрюшин, В.П. Варавя, Н.П. Волошин, В.С. Захаров, С.А. Зеленцов, Р.И. Ильяев, В.М. Лоборев, В.Н. Михайлов, А.К. Чернышев, Ю.А. Юдин / Под ред. В.Н. Михайлова. М., 2001 (цит.: по электронной версии <http://www.iss.niit.ru/book-2>)

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to 17th Century. Vol. II. 1888. 352 p. (Trübner's Oriental Series. T. 57)

Francke W. Addenda and Corrigenda // D. Pokotilov. History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty from 1368 to 1634 (Studia Serica. Monographs. Ser. A. No 5. Editors: Wen Yu and W. Francke). T. 1, 2. Chengdu/Peiping, 1949. T. 2. P. 1–80.

Mei J. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its cultural context and relationship with neighbouring regions. London, 2000. 187 p. (BAR Series 865)

Serruys H. The Mongols of Kansu during the Ming // *Melanges Chinois et Bouddhiques*. T. 10 (1955). 1961. P. 215–346.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 3

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2008

ЛОКАЛИЗАЦИЯ НАРОДОВ VI—III ВВ. ДО Н. Э. НА СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ КИТАЙСКИХ ГОСУДАРСТВ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)

А. А. КОВАЛЕВ

Китайские исторические источники содержат наименования ряда народов, принимавших участие в истории государств Янь, Чжао и Цинь в эпоху Чжаньго (конец V—конец III вв. до н. э.). Вопросы о территории обитания этих народов в различные периоды, их происхождении и дальнейшей судьбе еще далеки от разрешения. В археологической литературе последних десятилетий было сформулировано немало предположений об этнической атрибуции памятников раннего железного века, исследованных на землях юго-востока Внутренней Монголии, севера провинций Шэньси, Шаньси, Хэбэй (Линь Юнь 1993; 1996; Бэйцзин Яньцин... 1989; Цзинь Фэньи 2001: 211—213; Тянь Гуаньцинъ, Го Сусинь 2004: 181—195; Ян Цзяньхуа 2004: 80—83), однако эти предположения не находятся в прямой связи с текстологическими штудиями китайских ученых, подвергших тщательному анализу письменные источники, повествующие о событиях эпохи Чжаньго. Выявляется настоятельная необходимость в исследовании ситуации на северных границах царств Янь, Чжао и Цинь на основе синтеза всех доступных данных при условии применения соответствующих методов исследования для каждой из разнородных групп источников.

К письменным источникам, по данным которых может быть проведена такая работа, относятся памятники эпохи Чжаньго либо более поздние сочинения, в состав которых включены тексты доциньского времени, в том числе и в изложении. К нарративным памятникам такого рода, содержащим информацию, непосредственно относящуюся к предмету исследования, относятся следующие.

«Ши цзи» («Записи историка») (ШЦ 1996) — историческое сочинение конца II—начала I в. до н. э., созданное на основе более ранних хроник, документов, исторических и философских призываний, в большинстве своем не дошедших до нашего времени. По общему мнению, Сыма Цянь стремился к дословному воспроизведению используемых текстов (Кроль 1970: 204—353; Крюков 1972: 49—50; Hulsevė 1993: 405—407).

«Чжаньго цэ» (ЧГЦ 1995), «Шо юань» (1976) — составленные во второй половине I в. до н. э. Лю Сяном компиляции анекдотов военно-политической, моральной и философской тематики, избранных, в том числе, из текстов доханьского времени. В своем труде «Бе лу» Лю Сян подчеркивает стремление к аутентичному изложению текстов более ранних сочинений с использованием метода «двойного сличения» (взаимной проверки двумя людьми текстов оригинала и копии) (Васильев 1968: 7—9, 45; Tsuen-hsui Tsien 1993: 1—4; Knechtges 1993).

«Чжу шу цзи нянь» (Гу бэнь... 1997) — сочинение, составленное непосредственно из фрагментов хроник, обнаруженных в гробнице правителя царства Вэй, захороненного не позже середины III в. до н. э. (БА 2005: 5—17).

«Чжаньго цзунхэн цзя шу» («Книга школы цзунхэн эпохи Чжаньго») (название условное) (ЧГЦ 1995: 1337—1366) — сборник историко-политических анекдотов, относящихся к эпохе Чжаньго, содержание которого частично совпадает с «Чжаньго цэ» и эпизодами «Ши цзи». Был найден в 1973 г. в могиле западноханьского времени в Мавандуй (Чанша, провинция Хубэй). Редакция сборника отличается от тех, которыми мог пользоваться Лю Сян при составлении «Чжаньго цэ» и Сыма Цянь при создании «Ши цзи», что открывает широкие возможности для реконструкции первоначального облика текстов (Tsuen-hsui Tsien 1993: 8—9).

Ряд текстов, восходящих к эпохе Чжаньго, сохранился в составе сборников и энциклопедий постханьского времени. Так, фрагмент утраченной части «Чжаньго цэ» с рассказом о подвигах чжаоского полководца Ли Му в борьбе с северными варварами, имеющий текстуальные расхождения с аналогичным фрагментом из «Ши цзи», оказался включенным в энциклопедию «Тай-пин юй лань» (Ян Куань 2001: 1066—1067).

Непосредственно к рассматриваемому периоду относятся эпиграфические памятники, из которых для настоящей работы особый интерес представляют прежде всего надписи на предметах вооружения царств Цинь, Чжао, Янь, нередко с указанием года правления соответствующего вана, имен нижестоящих правителей, места дислокации арсенала и т. п. (см., напр., Чэнь Пин 2003), а также надписи на предметах, изготовленных китайскими мастерами для представителей «варварских» племен (Хуан Шэнчжан 1985: 340—348).

Ряд дошедших до нас исторических, философских и литературных трудов ханьского времени и более позднего периода содержит суждения авторов о военно-политической ситуации в эпоху Чжаньго, о локализации соответствующих населенных пунктов и укреплений варварских племен, а также толкования «темных мест» в тексте источников. Можно полагать, что отчасти позиции авторов этих сочинений основаны на знании текстов эпохи Чжаньго, не дошедших до нашего времени. Однако во многих случаях, несомненно, мы имеем дело с субъективной позицией автора либо с изложением не менее субъективной точки зрения его предшественника. Бывает, что автор опирается на сложившуюся к его времени традицию или передает так называемую «народную этимологию». Из сочинений данного вида для настоящей работы интерес представляют прежде всего «Хань шу» («История династии Хань») (Бань Гу, вторая половина I в.) (ХШ 1997), географические труды «Шуй цзин чжу» (Ли Даюань, конец V—начало VI в.) (Шуй цзин чжу... 1999), «Ко ди чжи» (Ли Тай, VII в.) (Ко ди чжи... 2005), «Юань-хэ цзюнь сян ту чжи» (Ли Цифу, 813 г.) (Юань-хэ... 2005), комментарии к «Ши цзи» (см. ШЦ 1996): «Цзи цзе» (Пэй Инь, V в.), «Со инь» (Сыма Чжэнь, первая половина VIII в.), «Чжэн и» (Чжан Шоуцзе, VIII в.); комментарии Ху Саньсина к «Тун цзянь» (XIII в.) (Тун цзянь... 1986).

Работа с письменными источниками по истории Древнего Китая невозможна без применения методов источниковедческого анализа, внешней и внутренней критики. Основной путь для извлечения исторической информации — сравнительные исследования всей совокупности доступных текстов в широком историческом контексте. Сугубо источниковедческий анализ не является главной целью настоящей работы. Перечень литературы, посвященной датировке, верификации, реконструкции и толкованию письменных источников по эпохе Чжаньго, необозрим; в последние годы появилось несколько новых фундаментальных трудов по

этой теме (Чэнь Пин 1995; Ян Куань 2001; Синь Дэюн 2005), на которые можно опираться при проведении синтеза данных письменной истории и археологии, что, впрочем, не освобождает нас от обязанности критического подхода к выводам историков, источниковедов и лингвистов.

Археологические источники, использование которых для разрешения вопросов локализации «варварских народов» на границах китайских государств необходимо, можно разделить на две основные группы. К первой относятся сохранившиеся фрагменты «длинных стен», а также иных укреплений периодов Чжаньго, Цинь и Хань, строившихся по северным границам китайских государств (см. обзор археологической литературы о стенах царства Янь — Чэнь Пин 2006: 406—408; свод сведений об археологически прослеженных длинных стенах на территории Внутренней Монголии и севера Хэбэй — Ли Юю 2001; описание сохранившихся фрагментов стен царства Цинь и Ши-хуана на северо-западе — Пэн Сичжу 1990). Если локализация стен, построенных по северной границе царствами Чжао и Янь, не вызывает особых сомнений, то проблема северо-западного отрезка длинных стен царства Цинь в совокупности с вопросом о пределах завоеваний Цинь Ши-хуана в Ордосе еще далека от общепризнанного решения. Вероятно, выявленные китайскими исследователями длинные стены, идущие от сегодняшнего Юйлина к Токото, были построены только лишь при Ши-хуанди, а северо-западные пределы царства Цинь обозначались оборонительной линией, выстроенной ранее Чжао-сян ваном от Линьтао до Суйдэ (Ковалев 2002: 161—175). Вторая группа источников охватывает погребения, клады, случайные находки и поселения, относящиеся к «варварским» культурам этого времени, а также отдельные предметы «северных типов», встреченные в комплексах, относящихся к культуре населения царств Янь, Чжао и Цинь. Материалам раскопок памятников «северных культур» и аналогичным находкам на Центральной равнине посвящены несколько монографий, изданных в последнее десятилетие (Miyake Toshihiko 1999; Ли Хайжун 2003; Ян Цзяньхуа 2004; Уэньюэсыту 2007). К сожалению, в обобщающих работах по так называемым северным культурам отсутствует собственно выявление археологических культур. Китайские исследователи подразумевают под «культурой» набор памятников одного региона, датирующихся приблизительно одним периодом. В чем заключается типологическое единство этих памятников и чем данная типологическая общность отличается от сопредельных и синхронных «культур», остается не раскрытым. Этот подход нашел воплощение и в последней сводной работе Института археологии Академии общественных наук Китая по археологии эпохи Чжоу (Чжунго каогусюэ... 2004: 515—547). Ряд западных ученых предпочитает говорить о «группах памятников», локализуемых в отдельных «зонах» (Linduff 1997: 33—75; Bunker 2003). Для целей нашего исследования не было необходимости в группировке всего археологического материала, обнаруженного на «северных территориях» и относящегося к рассматриваемому периоду. Главной задачей работы является определение земель, занимаемых различными народами, упомянутыми в письменных источниках. Археологическая культура (общность, субкультура) в целом как продукт археологической типологии, так же как и любая устойчивая совокупность типов и стилей, естественно, связана с деятельностью населения, имевшего в древности некие этнонимы. Однако никаких заведомо определенных «этнических» черт материальной культуры, пригодных на все случаи, выявить невозможно; недопустимо заранее постулировать, является ли

выделенная нами типологическая единица продуктом деятельности одного либо нескольких народов, пользовавшихся одним или несколькими наименованиями; неизвестно и то, насколько наименования народов, употреблявшиеся их соседями (в данном случае — китайцами), отражают реальное этническое членение «варваров». Кроме того, как выясняется, с этническими общностями могут коррелировать самые различные признаки материальной культуры, причем зачастую такие, которые не считаются «ведущими», «основными» в процессе выделения культур. Таковы, например, различные типы височных колец, маркировавшие в древнерусской культуре племенную принадлежность владелицы (дискуссию об этническом содержании археологической культуры см. Клейн 1991: 145—153). Проблемы определения ареалов обитания различных бесписьменных варварских племен на периферии империи и выявления «этнических признаков» этих племен в материальной культуре путем синтеза данных письменных и археологических источников давно и успешно разрабатываются специалистами по римскому времени Европы (Eggers 1950; Nachmann et al. 1962). Выясняется, что разрешению задачи локализации народов, известных по письменным источникам сопредельного им государства (государств), и при этом подтверждению реальности существования этих «народов» как самостоятельных этнических общностей, могут помочь любые признаки материальной культуры, если они хронологически и территориально коррелируют с указаниями письменных источников, а также с археологическими памятниками, этническая принадлежность которых сомнению не подлежит.

Для целей настоящей работы были отобраны фрагменты письменных памятников, восходящих к эпохе Чжаньго и содержащих упоминания о племенах «дунху», «линху», «лоуфань», «сюнну», о северных пограничных территориях царств Янь, Чжао, Цинь: Юйчжун, Гаоцзюэ, Юньчжун, Цзююань, Яньмэнь, Дай и других, а также о выстроенных указанными царствами «длинных стенах» по северным границам.

1. «Ши цзи», цзюань 110 «Сюнну лечжуань».

«На севере от Цзинь жили жуны, (называвшиеся) линху и лоуфань, а на севере от царства Янь — дунху и шаньжуны» (ШЦ 1996: 2883; цит. по Таскин 1968: 36). Это сообщение, несомненно, является авторским пассажем Сыма Цяня, обобщающим его представления о расселении варварских племен на определенный момент. Скорее всего, таким образом охарактеризована ситуация VII в. до н. э. (см. Комиссаров 1988: 88), поскольку ранее приведено описание деяний циньского Му-гуна, а после цитируемого текста следует фраза: «Через сто с лишним лет после этого Дао-гун, правитель царства Цзинь...» (ШЦ 1996: 2883); циньский Му-гун правил с 659 по 621 г. до н. э., а цзиньский Дао-гун — с 572 по 558 г. до н. э. (ШЦ 1996: 581—602, 629—636). К сожалению, никаких исторических свидетельств пребывания линху, лоуфаней и дунху на границах китайских государств в столь ранний период, могших послужить источниками для автора «Ши цзи», не выявлено, что вызывает недоверие к тексту Сыма Цяня. Историкограф вполне мог экстраполировать сведения о дислокации варварских племен в конце IV—начале III в. до н. э. на ситуацию периода Чуньцю.

2. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао шицзя». «...В день бин-суй третьей луны мы даем тебе возможность, совершив переворот, уничтожить род Чжи. Ты также утвердишься в сотне наших селений, мы пожалуем тебе земли линху. В будущих поколениях появится сильный ван...» (ШЦ 1996: 1795). Перевод Р. В. Вяткина (Сыма

Цянь 1992: 55), в отличие от перевода Э. Шаванна (Chavannes 1905: 44—46), искажает смысл оригинала. Отрывок представляет собой часть письма-предсказания, адресованного некими «небесными посланниками» чжаоскому Сянь-цзы. Получено это предсказание было, судя по контексту цзюани «Чжао шицзя», в 454—453 гг. до н. э. (ШЦ 1996: 676—677). Контекст предсказания указывает на то, что чжаоский Сянь-цзы должен был лично овладеть территориями линьху.

3. «Шо юань», цзюань 1 «Цзюнь дао». «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: “Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь (моих) крепостей, сиюну изо всех сил стремятся покорить лоуфаней” (Шо юань 1976: 33; Сюн Цуньжуй 1981: 112). Перевод уточнен мною по сравнению с ранее предложенным (Ковалев 2002: 153). Судя по контексту, совещания Чжао-вана с Го Вэем на эту тему имели место сразу после воцарения вана, т. е. в 312 г. до н. э. (см. Чэнь Пин 1995, т. 2: 2—4).

4. «Ши цзи», цзюань 69 «Су Цинь лечжуань» (ШЦ 1996: 2243), «Чжаньго цэ», цзюань 29 «Янь 1», параграф «Су Цинь цзян вэй цун, бэй шо Янь Вэньхоу» (ЧГЦ 1995: 1039). «(Су Цинь) <...> обращаясь к яньскому Вэньхоу, сказал: “У Янь с востока Чаосянь, Ляодун, с севера — линьху, лоуфань, с запада — Юньчжун, Цзююань <...> Кроме того, если Цинь нападет на Янь, (его войскам будет необходимо) перевалить через Юньчжун, Цзююань, пройти через Дай, Шангу...”». В тексте перевода Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1996: 96), в отличие от перевода Дж. Крампа (Chan-Kuo Ts’е 1970: 506), имеется ряд неточностей. Этот разговор Су Циня с яньским Вэньхоу Сыма Цянь отнес в «погодных таблицах» (цзюань 15) к 28 году правления последнего, т. е. к 334 г. до н. э. (ШЦ 1996: 727; см. Сыма Цянь 1984: 275). Чэнь Пин предполагает, что рассматриваемые поучения Су Циня были произнесены в 310 г. до н. э., поскольку именно тогда к яньскому Чжао-вану съехались мудрецы для совета о дальнейшей борьбе с Ци (см. выше пункт 3); в это же время состоялись беседы Су Циня и яньского Чжао-вана о противодействии циской угрозе, которые нашли отражение в «Шо юань» (цзюань 1 «Цзюнь дао») и в «Чжаньго цэ» (параграф «Су Цинь сы, ци гэ Су Дай юй цзи чжи»), причем в последнем отрывке слова Су Циня приписаны ошибочно его брату Су Даю (Чэнь Пин 1995, т. 2: 20—21).

5. «Ши цзи», цзюань 69 «Су Цинь лечжуань» (ШЦ 1996: 2249), «Чжаньго цэ», цзюань «Чжао 2», параграф «Су Цинь цун Янь чжи Чжао ши хэ цун» (ЧГЦ 1995: 641). Слова Су Циня: «... Если Цинь нападет на Хань и Вэй, то Чу отрезает противнику тылы, Ци посылает отборные войска им на помощь, [войска] Чжао переходят реки Хуанхэ и Чжанхэ, а [войска] Янь обороняют [район] Юньчжуна» (квадратные скобки добавлены мною. — А. К.) (цит. по Сыма Цянь 1996: 100, см. также Chan-Kuo Ts’е 1970: 290). Судя по последовательности событий в цзюани 69 «Ши цзи», беседа правителя Чжао с Су Цинем, по мнению Сыма Цяня, должна была произойти в 334 г. до н. э. (см. ШЦ 1996: 2250; Сыма Цянь 1996: 101). Однако хронология событий в «Ши цзи» нарушена. Чэнь Пин утверждает, что Су Цинь мог попасть к чжаоскому правителю только лишь в период с 308 по 306 гг. до н. э. (Чэнь Пин 1995, т. 2: 16). Представляется, что данный диалог мог состояться не ранее 306 и не позднее 295 г. до н. э., поскольку в его контексте упоминается уход к тому времени от дел (а не смерть!) фэнъян-цзюня Чэна, до 306 г. находившегося у власти, а с 295 г., после убийства своего племянника, «Чжуфу» Улин-вана, вернувшего себе былое могущество (ШЦ 1996: 1809—1813).

6. «Ши цзи», цзюань 70 «Чжан И лечжуань» (ШЦ 1996: 2298), «Чжаньго цэ», цзюань 29 «Янь 1», параграф «Чжан И вэй Цинь по цун лянхэнь, вэй Янь ван» (ЧГЦ 1995: 1052). (Слова циньского Чжан И, обращенные к яньскому Чжао-вану). «Если сейчас вы, Великий ван, не станете служить Цинь, циньский [правитель] (в оригинале — «Цинь». — А. К.) пошлет своих латников на Юньчжун [и] Цзююань, он также принудит чжаоские [войска] (в оригинале — «принудит Чжао также». — А. К.) напасть на Янь, и в результате ни река Ишуй, ни Великая стена (в оригинале — «чан чэн» (длинные стены). — А. К.) не помогут вам» (квадратные скобки отсутствуют в переводе Р. В. Вяткина) (цит. по Сыма Цянь 1996: 136). Этот разговор происходил, судя по тексту «Ши цзи», накануне смерти циньского Хуйвана (310 г. до н. э.), скорее всего, в 311 г. до н. э. (ШЦ 1996: 733—734; Сыма Цянь 1996: 137; Чэнь Пин 1995, т. 2: 12—13).

7. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао шицзя» (Слова чжаоского Улин-вана, обращенные к Лоу Хуаню). «Мой покойный предшественник <...> разбил линь жэнь в Жэнь <...> Сегодня Чжуншань [сидит болью] в моем нутре, на севере [у меня] Янь, на востоке — ху, на западе — граница с линьху, лоуфань, Цинь, Хань...» (ШЦ 1996: 1806). Используются переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 70—71) и Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 61) с уточнениями. Согласно комментарию «Чжэн и» этнонимом «линь жэнь» («народ Линь», «лесные люди»?) обозначено племя линьху (см. ШЦ 1996: 1806). Контекст речи Улин-вана говорит о том, что «линь жэнь» были разгромлены не некими «предшествующими ванами», а конкретно отцом Улин-вана Су-хоу, правившим с 349 по 326 г. до н. э. На восток от Чжао во время произнесения рассматриваемой речи Улин-ваном располагались царства Чжуншань и Ци (ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 37—38), никаких варваров «ху» в этих местах источники не упоминают. Чжаном Шоуцзэ была сделана попытка объяснить слова «дун ю ху» («на востоке [от Чжао] — ху»). Комментатор предположил, что под этими «ху» подразумеваются дунху и ухуани, заселявшие в эпохи Чжоу и Хань земли на границах современного ему танского округа Инчжоу (ШЦ 1996: 1806). Однако этот танский округ охватывал запад современного Ляонина (ЧГЛШДТЦ 1982, т. 5: 50—51), а варвары, живущие на столь отдаленной территории, вряд ли могли быть предметом сентенции Улин-вана, перечислившего именно соседние государства и народы — непосредственную угрозу для Чжао. Поскольку выражение «дун ю ху» не имеет никаких подтверждений в историческом контексте, представляется правомерным предположить ошибку при переписке источника. Наиболее вероятна ошибочная вставка иероглифа «ю». Без этого слова начало фразы приобретает вид: «на север [от Чжао] — Янь, дунху». Этот отрывок относится к девятнадцатому году правления Улин-вана, приходящемуся на 307 г. до н. э. (ШЦ 1996: 734, 1805).

8. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао шицзя» (Слова чжаоского Улин-вана, обращенные к фэнъян-цзюню Чэну). «...На востоке нашего государства текут воды Хуанхэ и Боло, разделяемые (нами) вместе с Ци и Чжуншань, [однако мы] не используем весельные суда. [К нашим землям, простирающимся] от [гор] Чаншань до Дай [в одну сторону и] до Шандана [в другую сторону], с востока [прилегают] пределы Янь, дунху, а с запада — граница с лоуфанями, Цинь, Хань, однако на сегодняшний день [мы] не подготовили верховых стрелков. Если я не буду использовать весельные суда, каким образом население, живущее по обоим берегам реки, сможет защитить воды Хуанхэ и Боло? Верховые стрелки в из-

менной амуниции [необходимы] для обеспечения защиты [наших] рубежей с Янь, “тремя ху”, Цинь, Хань» (ШЦ 1996: 1809). Аналогичный пассаж содержит «Чжаньго цэ», цзюань «Чжао 2», параграф «Улин-ван пин чжоу цзянь цзюй», в дополнение к «трем ху» здесь упомянуты еще и «лоуфани» (ЧГЦ 1995: 657). Переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 80—81), Д. Крампа (Chan Kuo Ts'e 1970: 299), Б. Прушека (Prusek 1971: 224), Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 64) содержат ряд неточностей, в связи с чем приводим здесь наш перевод. В «Ши цзи» диалог между фэнъян-цзюнем Чэном и Улин-ваном, из которого взят рассматриваемый отрывок, отнесен к девятнадцатому году Улин-вана, что соответствует 307 г. до н. э. (ШЦ 1996: 734, 735, 1809).

9. «Чжаньго цэ», цзюань 19 «Чжао 2», параграф «Ван по Юаньян». «Вслед за тем ван ввел (в армии) одетая ху, повел конные [отряды] против ху». Он вышел из «Ворот Забвения», преодолел преграды «Девяти пределов», пересек труднодоступные места «Пяти троп», достиг «центра [расселения] ху» (в настоящее время признан аутентичным вариантом из издания Яо Хуна — «чжи Юйчжун» («до Юйчжуна»)) (Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 481), однако переводчик последовал тексту «Бао бэнь» — «чжи ху чжун» (ЧГЦ 1995: 675, примеч. 4), открыл «земли протяженностью в тысячу ли» (ЧГЦ 1995: 675, цит. по Васильев 1968: 191). Этот поход вплоть до Юйчжуна Улин-ван, согласно «Чжаньго цэ», совершил после того, как он вторгся в район под названием «Юаньян», стремясь превратить его в базу для своей кавалерии. Юаньян же, согласно комментариям из «Бао бэнь», находился в Юньчжуне (ЧГЦ 1995: 672—673, примеч. 2). Если упомянутый в «Ши цзи» поход Улин-вана вплоть до Юйчжуна (см. ниже пункт 10) соответствует описанной здесь кампании, то последняя состоялась в 306 г. до н. э.

10. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На двадцатом году [Улин-]ван отнял земли [царства] Чжуншань вплоть до Нинцзя, на западе отнял земли ху вплоть до Юйчжуна. Ван линьху преподнес лошадей. По возвращении [Улин-вана] <...> Первый советник царства Дай — Чжао Гу, управляя племенами хусцев, собрал их войска» (ШЦ 1996: 1811). Из всех переводов этого отрывка на европейские языки наиболее адекватным является перевод Де Грота (De Groot 1921: 35), переводы Э. Шаванна и следовавшего ему Р. В. Вяткина (Chavannes 1905: 84; Сыма Цянь 1992: 66) использовать невозможно (Ковалев 2002: 166—167). Сообщение относится к двадцатому году правления Улин-вана, т. е. к 306 г. до н. э. (ШЦ 1996: 735).

11. «Гу бэнь Чжу шу цзиньянь». «На семнадцатом году вэйского Сян-вана в Ханьдане (столице царства Чжао) приказали, чтобы рабы чиновников и сановников были переселены в Цзююань» (цит. по: Васильев 1998: 249).

12. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На двадцать шестом году вновь напали на Чжуншань, захватили земли на севере вплоть до Янь, Дай, на западе вплоть до Юньчжуна, Цзююаня» (ШЦ 1996: 1811). Перевод Де Грота (De Groot 1921: 36) ошибочен; переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 87) и Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 66) неточно передают источник, согласно которому Юньчжун и Цзююань неожиданно оказываются на чжуншаньской границе. Двадцать шестой год правления Улин-вана соответствует 300 г. до н. э. (ШЦ 1996: 736).

13. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «Чжуфу решил повелеть сыну управлять государством, а сам, одевшись по-хуски, встав во главе командного состава, на северо-западе захватить земли ху; также решил от Юньчжуна, Цзююани напря-

мик на юг внезапно напасть на Цинь, поэтому обманным путем в качестве посланника вступил в Цинь» (ШЦ 1996: 1812—1813). Переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 88) и последовавшего ему Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 66, 67) представляют поход Чжуфу на северо-запад в качестве инспекционной поездки, Де Грот правильно переводит иероглиф «люэ» как «*ergriff Besitz*» («захватил») (De Groot 1921: 36). Цитируемый текст, скорее всего, представляет собой авторское обобщение Сыма Цяня. Первым годом правления сына Улин-вана, принявшего имя Хуй-вэнь-ван, является 298 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737)

14. «На втором году Чжуфу отправился на новые земли, при этом выехал из Дай, на западе повстречался с ваном лоуфаней на западном отрезке излучины Хуанхэ и получил (набрал (в свою армию). — А. К.) его войска» (ШЦ 1996: 1813). Правильно передают смысл данной фразы переводы Э. Шаванна и Де Грота (Chavannes 1905: 89; De Groot 1921: 36). Перевод Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 67) не может использоваться прежде всего из-за ошибочного толкования иероглифа «чжи», который употреблен здесь в том же смысле, что и в предшествующей фразе о варварских войсках, которые собрал для Чжао дайский сянь Чжао Гу (текст из ШЦ 1996: 1813, см. Сыма Цянь 1992: 66, толкование см. Ян Куань 2001: 684—685). Второй год правления Хуэй-вэнь-вана — 297 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737).

15. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На третьем году уничтожили Чжуншань, переселили его вана в Фуши. Начиная от Линшоу подчинились северные земли, открылся путь в Дай» (ШЦ 1996: 1813). Перевод Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 67) использован быть не может, в отличие от переводов Шаванна и Де Грота (Chavannes 1905: 89; De Groot 1921: 36); о толковании фразы см. Ян Куань 2001: 690—692. Третий год правления Хуэй-вэнь вана — 296 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737).

16. «Чжаньго цэ», цзюань 12 «Ци 5. Су Цинь шуй Ци Минь-ван». Су Цинь, увещевая циского Минь-вана, сказал: «...однажды Ци, Янь сражались в извилинах Хуань, Янь не справилось (с Ци), потеряло сто тысяч рядовых. Хусцы напали на несколько яньских уездов лоуфаней, угнали их быков и лошадей...» (ЧГЦ 1995: 434). Имеющиеся переводы К. В. Васильева (Васильев 1968: 211) и Дж. Крампа (Chan Kuo Ts'е 1970: 198) содержат принципиальные ошибки (Ковалев 2002: 154). Поскольку выражения, использованные Су Цинем, дают основания предполагать, что он обращается к Минь-вану в тот момент, когда правитель Ци принял императорский титул (т. е. в 288 г. до н. э.: ШЦ 1996: 739, Сыма Цянь 1984: 290—291), отрывок должен относиться к 288—287 гг. до н. э. (Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 287—288; Ян Куань 2001: 776; Чэнь Пин 1995, т. 2: 133—134). Согласно мнению ряда специалистов (Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 294; Ян Куань 2001: 695), указанная в рассматриваемом отрывке битва между Янь и Ци, в которой царство Янь проиграло и понесло значительные потери, могла происходить непосредственно перед тем, как в 295 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737) Чжао окончательно захватило Чжуншань.

17. «Ши цзи», цзюань 110 «Сюнну лечжуань». «...Улин-ван, правитель царства Чжао, который, изменив существующие обычаи, стал носить одежду хусцев и обучаться верховой езде и стрельбе из лука, разбил на севере линьху и лоуфаней. [Он] построил длинную стену (в оригинале — «чанчэн». — А. К.), [которая протянулась] от Дай вдоль подножия гор Иньшань до Гаоцзюэ и служила укрепленной границей, а также учредил округа Юньчжун, Яньмэнь и Дайцзюнь» (ШЦ

1996: 2885, цит. по Таскин 1968: 37). Фраза является авторским обобщением Сыма Цяня, характеризует ситуацию рубежа IV—III вв. до н. э.

18. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На двадцать шестом году захватили земли обитания («орды») дунху» (ШЦ 1996: 1821). В своем переводе мы последовали толкованию Накаи Рикен (1732—1817), предположившего, что иероглифами «оу дай» передано слово «варварского» языка, обозначающее название местности. Аналогия слова «оудай» и термина «оуто» (орда), использованного для характеристики местообитания дунху и сюнну в тексте цзюаня 110 «Ши цзи» (иероглифы «оу») обозначают омонимы, а «дай» является рифмой к «то»), позволила Ян Куаню предположить единство значения этих слов (Ян Куань 2001: 897). Двадцать шестым годом правления чжаоского Хуй-вэнь-вана был 273 г. до н. э. (ШЦ 1996: 743).

19. «Ши цзи», цзюань 110 «Сюнну лечжуань». «Позднее в [царстве] Янь появился военачальник Цинь Кай, который был послан заложником к ху, и ху стали доверять ему <...> Возвратившись [в Янь], он внезапно напал на дунху, нанес им поражение и вынудил отойти более чем на 1000 ли <...> [Царство] Янь также построило длинную стену от Цзаояна до Сянпина и образовало для защиты от ху округа Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляоси и Ляодун» (ШЦ 1996: 2885—2886; цит. по Таскин 1968: 37). Фраза является авторским обобщением Сыма Цяня. Судя по контексту повествования, завоевание земель дунху и строительство длинных стен были осуществлены царством Янь после завоевательных походов Улин-вана (рубеж IV—III вв. до н. э.) и не позже середины III в. до н. э.

20. «Ши цзи», цзюань 81 «Лян По, Линь Сянжу лечжуань». «Ли Му, служивший в северных пограничных областях царства Чжао <...> постоянно пребывал в Дай или Яньмэне, готовый отразить нападение сюнну. <...> Вдоль границы были поставлены башни с сигнальными огнями <...> Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел <...> Узнав об этом, сюннский шаньюй вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му <...> развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннских конников. Он уничтожил [племена] даньлань, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам (крепостям. — А. К.) Чжао» (ШЦ 1996: 2449—2450; цит. по Сыма Цянь 1996: 258—260). Переводы В. С. Таскина (Таскин 1968: 63) и Л. А. Боровковой (Боровкова 2001: 39—40) содержат ряд неточностей, в том числе неверную трактовку иероглифов «бянь чэн» («пограничные крепости» — Гудай хань ю цыдянь 1998: 85) — «пограничная стена». Цзюань 294 «Тайпин юйлань» содержит (с некоторыми разночтениями) тот же текст о кампании Ли Му против «варваров», однако с указанием, что отрывок взят из состава «Чжаньго цэ» (впоследствии утраченная часть, см. Ян Куань 2001: 1066—1067). Краткое изложение подвига Ли Му приводится в цзюане 102 «Ши цзи», в том числе: «Ли Му <...> на севере прогнал шаньюя, нанес поражение дунху, уничтожил даньлинь...» (ШЦ 1996: 2758). Таким образом, нет оснований оспаривать аутентичность повествования о победе Ли Му над варварами, включенного в текст цзюаня 81 «Ши цзи»; очевидно, что он был заимствован Сыма Цянем из более раннего источника, а не появился в ханьское время, как предположила Л. А. Боровкова (Боровкова 2001: 40). Эти события не могут быть датированы временем позже 244 г. до н. э.,

когда Ли Му направили в поход против царства Янь (ШЦ 1996: 2450; см. Сыма Цянь 1996: 260). Сюн Цуньжуй относит этот разгром кочевников к 265—245 гг. до н. э. (Сюн Цуньжуй 1981: 111).

21. «Чжаньго цэ», цзюань 31 «Янь 3», параграф «Янь тай-цзы Дань чжи юй Цинь ван гуй». Увещевания Цзюй У о необходимости отослать военачальника Фань Уци, бежавшего из Цинь в Янь, обращенные к наследнику престола Янь принцу Даню: «Для наследника престола желательно срочно направить цзянцзюня Фаня к сюнну, чтобы избавиться от него (как повода для нападения Цинь). Прошу на западе объединиться с тремя Цинь, на юге связаться с Ци и Чу, на севере договориться с шаньюем, после чего будет допустимо осуществить (планы противодействия Цинь)» (ЧГЦ 1995: 1129). Тот же текст мы встречаем в цзюане 86 «Ши цзи» (ШЦ 1996: 2529; см. Сыма Цянь 2002: 38). Бегство Фань Юйци от правителя Цинь относится к 228 г. до н. э. (Сюн Цуньжуй 1981: 111).

22. «Ши цзи», цзюань 110. «Когда Маодунь вступил на престол, дунху были сильны и достигли расцвета <...> Правитель дунху, еще более возгордясь, начал захватывать земли на западе. Между [дунху] и сюнну пролегла брошенная земля, на которой на расстоянии более 500 ли никто не жил; и те и другие жили по ее краям, образуя оуто <...> [Затем] Маодунь двинулся на восток и внезапно напал на дунху <...> он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил принадлежащий ему домашний скот» (ШЦ 1996: 2889; цит. по Таскин 1968: 38—39). Этот авторский текст Сыма Цяня посвящен событиям, происходившим, видимо, в последнее десятилетие III в. до н. э. (см. Боровкова 2001: 43—45).

Приведенные тексты характеризуют ситуацию на северных границах китайских государств в эпоху Чжаньго. Письменные источники по северо-западному пограничью царства Цинь в своем большинстве были мною опубликованы (Ковалев 2002).

Опубликованные данные об археологических исследованиях «длинных стен» царств Янь и Чжао локализуют эти памятники следующим образом. Стена, построенная чжаоским Улин-ваном, обнаружена, в полном соответствии с данными письменных источников, у подножия гор, называемых в древности Иньшань, и простирается от Эршицихао (граница уезда Синхэ АР Внутренняя Монголия и Шаньси провинции Хэбэй) на востоке до центра Улатэ-цянй аймака на западе, проходя в нескольких километрах севернее Цзинина, Хух-Хото и Баотоу (Гай Шаньлинь, Лу Сысянь 1981: 21—24, рис. 1; Ли Синшэн, Хао Липин 1994; Ли Ию 2001: 3—4, рис. 1; ЧГВУДТЦ НМГ 2003: 1, 64—65; 2, 10, 19, 60, 63, 508, 538, 558, 622). Китайские археологи обследовали стену царства Янь в провинциях Хэбэй, Ляонин и в АР Внутренняя Монголия (Оу Янь 1987: 16, рис. 1). Две параллельные стены, северная из которых относится к царству Янь, а южная, видимо, к ханьской эпохе, прослежены ими с востока на запад на территориях современного АР Внутренняя Монголия и провинции Ляонин на протяжении более чем 180 км; яньская стена (использовавшаяся и в циньское время) начинается к востоку от реки Маньюхэ (левый приток Далинхэ) в уезде Фусинь провинции Ляонин, продолжается на запад, входит на территорию АР Внутренняя Монголия близ центра Кулунь аймака, проходит севернее Чифэна (Сян Чуньсун 1981: 6—20, рис. 1; Ли Ию 2001: 19—23; ЧГВУДТЦ НМГ 2003: 1, 64—65; 2: 94, 400—401, 452, 459). В провинции Хэбэй яньская стена пересекает территорию национального уезда Вэйчан с

северо-востока на юго-запад (Шиниэлинь 1981: 40—44, 51, рис. 1), далее эта стена прослеживается на территории соседнего национального уезда Фэннин и продолжается здесь на запад как минимум до истоков реки Шаньдяньхэ (Чжэн Шаоцзун 1981: 36, рис. 1; Ли Юю 2001: 15—19, 30).

Достаточно хорошо изучены и пределы царства Чжуншань, ограничивающие территории Чжао и Янь. Здесь также сохранились остатки длинных стен, которыми с запада и северо-востока была обнесена территория Чжуншань. На основании изучения этих археологических памятников, письменных источников, географических сочинений и комментариев Чжэн Шаоцзун установил, что крайняя северо-северо-западная оконечность царства Чжуншань находилась в районе горы Хэншань. От этой точки к югу начиналась чжуншаньская длинная стена, идущая вдоль горной цепи Тайханьшань, а к востоку-юго-востоку от этого района отходила еще одна стена, которая огибала территорию Чжуншань для защиты от царства Янь, доходя до района современного Аньсиня (Чжочжоу) (Чжэн Шаоцзун 1992).

На северо-восток от Янь располагались древнекорейские царства Чжэньфань (Чинбон) и Чаосянь (Чосон), земли которых следом за землями ху были завоеваны яньским войсками в III в. до н. э. Захваченные корейские территории, как сообщает цзюань 115 «Чаосянь лечжуань» «Ши цзи», были обнесены пограничными укреплениями («чжэн сай»). После воцарения династии Хань граница была отнесена на запад до реки Пэйшуй (локализация дискусионна) и были восстановлены «старые» пограничные укрепления Ляодуна («Ляодун гу сай»). На территории, заброшенной китайцами с востока от реки Пэйшуй, впоследствии поселился основатель Чосона Ви Ман (Вэй Мань) (см. Бутин 1982: 21—30). Таким образом, земли дунху, отвоєванные Янь, должны с востока оканчиваться не далее линии «старых укреплений Ляодуна», использовавшихся в ханьское время. Эти укрепления достаточно хорошо изучены на местности, они начинаются с востока от города Ляоян и идут на северо-запад по территории Ляонина до границы Внутренней Монголии, проходя несколько севернее Чаояна (Янь Чжун 1995: 183; Сяо Цзинцзюань 2000).

Западные пределы территории, завоеванной, по словам Сыма Цяня (см. выше пункт 17), Улин-ваном у линьху и лоуфаней, определяются с северо-запада точкой окончания чжаоских длинных стен около центра Уратского заднего аймака, южнее чжаоские земли не могли заходить на территорию Юйчжуна (см. выше пункт 10: «захватил земли ху до Юйчжуна»; эти слова означают, что Юйчжун сам захвачен не был). Поскольку под Юйчжуном в этот период мог подразумеваться только лишь юго-восточный угол излучины Хуанхэ (подробно о локализации Юйчжуна см. Ковалев 2002: 168—171), надо полагать, что здесь пределом завоеваний Улин-вана был левый берег этой реки. В границы Чжао далее на юг в начале III в. до н. э. определенно входила территория сегодняшней Шэньси в районе Юйлина (здесь располагался пункт Фуши, куда Чжао «переселило» чжуншаньского правителя, см. выше пункт 15). Как проходила западная граница Чжао на севере Шаньси, определенно сказать невозможно.

Мы привели наиболее достоверные сведения о границах Чжао, Янь и Чжуншань в IV—III вв. до н. э. На основе этих данных можно локализовать (на данный период времени) местности Юньчжун, Цзююань и Дай, упоминаемые приведенными письменными источниками.

Земли царства Дай, завоеванные за 150 лет до походов Улин-вана чжаоским Сян-цзы (см. Сыма Цянь 1984: 237), располагались севернее чжуншаньской тер-

ритории (см. выше пункт 12: «захватили земли (Чжуншань) на севере вплоть до Янь, Дай»), т. е., согласно Чжэн Шаоцзуну (1992), севернее горы Хэншань. На северо-востоке земли Дай доходили, как сообщают «Ши цзи» и «Чжаньго цэ», как минимум до так называемых ворот Учжу («Учжумэн») (ЧГЦ 1995: 675; Тун цзянь... 1986: 43), которые находились, исходя из комментариев, в районе современного Чжанбэя (см. Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 482; ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 37—38). Стена Улин-вана начиналась, как сообщает Сыма Цянь, «от Дай», археологически она прослежена на запад от Эршицихао (в 30 км западнее Чжанбэя), что подтверждает справедливость этих комментариев. То, что земли Дай доходили на востоке до пограничья Внутренней Монголии и Хэбэй северо-восточнее горы Хэншань, подтверждается и словами о том, что с покорением земель «севернее Линшоу» «открылся путь в Дай» (см. выше пункт 15). Линшоу находилось севернее нынешнего города Шицзячжуан (ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 37—38), а линия от Линшоу на север проходит, оставляя гору Хэншань с запада, прямо на Чжанбэй. С юго-запада земли Дай оканчивались у горы Сяюшань, где на тогдашней границе Цзинь (Чжао) и Дай Чжао Сян-цзы убил дайского вана (Сыма Цянь 1984: 237). Эта гора, по сведениям «Ко ди чжи», находится в 35 ли на северо-восток от центра танского уезда Яньмэнь (ШЦ 1996: 1794), ныне — уезда Дайсянь провинции Шаньси (см. ЧГЛШДТЦ 1982, т. 5: 46—47).

Местность, называемая в источниках до начала III в. до н. э. чаще всего «Юньчжун-Цзююань» (лишь по одному разу топонимы «Юньчжун» и «Цзююань» встречаются по отдельности), судя по контексту приводимых фрагментов, находилась под юрисдикцией Чжао накануне походов Улин-вана. В то же время через эту местность проходил путь из Цинь в Янь (см. выше пункты 4–6), Юньчжун и Цзююань прилегали к Янь с запада (см. выше пункты 4, 5), а также с запада и к территории Чжуншань (см. выше пункт 12), причем на пути из «Юньчжуна-Цзююани» в Янь надо было пройти еще «Дай, Шангу» (см. выше пункт 4), на юг от них находились земли Цинь (см. выше пункт 13). Таким образом, название «Юньчжун-Цзююань» в рассматриваемый период относилось ко всей горной местности, занимающей северо-западную часть современной провинции Шаньси юго-западнее Дай (нынешнего уезда Дайсянь) и западнее Чжуншань (гор Тайханшань); собственно это — хребет Люйляншань, являющийся водоразделом Хуанхэ и Фэйхэ. Знаменательно, что название «Цзююань» носила в эпоху Чуньцю местность, где хоронили цзиньских дафу, находящаяся на южной оконечности этого хребта (см. Го юй 1987: 221; ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 22—23).

Таким образом, остается не так уж много вариантов для локализации земель лоуфаней и линьху, завоеванных Улин-ваном, а также земель дунху, захваченных в ходе завоевательного похода Цинь Кая. Земли, завоеванные Улин-ваном, занимали территорию Внутренней Монголии южнее вышеописанной стены с севера и северо-запада от Хуанхэ: до центра Урад-Цяньци на западе, не далее чем до Цзинина на северо-востоке, на юго-востоке — до уезда Дайсянь. Земли, отвоеванные у дунху царством Янь, имели на севере границей длинную стену, на западе могли доходить до Чжанбэя (граница Дай), на востоке — до Ляохэ. Земли дунху во время или после завоевательного похода Цинь Кая граничили с Чжао (см. выше пункт 18), скорее всего, граница между Чжао и дунху проходила в районе царства Дай (см. выше пункт 20).

При этом письменные источники не указывают, что лоуфани могли занимать земли к северу от Чжао, это утверждение было сделано лишь Сыма Цянем

в его авторском обобщении (см. выше пункт 1). Лоуфани в «Чжаньго цэ» (см. выше пункт 16) упоминаются как подданные Янь, расселенные в своих уездах («сянь») — административных единицах, входящих в состав территории государства под «внешним» (столичным) управлением (Creel 1964; Strumpfeldt 1970: 159—176). В другом отрывке (см. выше пункт 3) контекст упоминания лоуфаней также указывает на то, что заселенные этими варварами земли служили защитой Янь. Оба этих отрывка относятся к рубежу IV—III вв. до н. э., ко времени, заведомо более раннему, чем война Янь с дунху, так что «уезды» лоуфаней должны были находиться на Центральной Равнине, на север не далее современного Пекина, а на запад — не далее границы Янь и Чжуншань на западе современной провинции Хэбэй. Одновременно, в начале III в. до н. э., лоуфани упомянуты также и на запад от Чжао — на «Западной Реке», т. е. на западном отрезке излучины Хуанхэ (см. выше пункт 14). В 307 г. до н. э. Улин-ван говорит: «...на западе — граница с линьху, лоуфань, Цинь, Хань...» (см. выше пункт 7). Поскольку чжаоская граница с Цинь проходила севернее, чем граница с Янь, можно полагать, что перечисление пограничных народов и государств производится с севера на юг, т. е. лоуфани селились к югу от линьху. В следующей сентенции Улин-ван также говорит о западной границе: «...граница с лоуфанями, Цинь, Хань...» (см. выше пункт 8). Исходя из этого, можно заключить, что земли лоуфаней находились непосредственно с севера от Цинь, граница с Чжао с востока в районе Сихэ. Поскольку северная граница Цинь в это время шла по длинной стене, построенной Чжао-сян-ваном, лоуфани должны были занимать земли Ордоса. Здесь лоуфаньского вана мы и встречаем в конце III в. до н. э.; после захвата Ордоса Маодунем лоуфани продолжают там обитать, войдя в состав хуннского государства (Ковалев 1999: 77). Одновременно лоуфани, причем не только солдаты, но и командиры, несколько раз упоминаются в составе войск царства Чу в ходе ханьско-чуской войны конца III в. до н. э. (ШЦ 1996: 328, 2668—2670; Сыма Цянь 1975: 147—148; 2002: 158—159). Таким образом, в случае, если название «лоуфани» относилось к какому-то одному «народу» и материальная культура этого народа имела какие-либо специфические признаки, они должны быть выявлены как в памятниках IV—II вв. до н. э. в Ордосе, так и на Центральной Равнине: в яньских памятниках IV—III вв. до н. э. и в собственном китайских комплексах циньского и раннеханьского времени. Этим требованиям соответствует комплекс черт, присущий пазырыкской культуре (Ковалев 1999; 2002: 156—157): он встречается в элитных погребениях Ордоса позднескифского времени, в элитной могиле 30 (III в. до н. э.) на кладбище Синьчжуантоу нижней столицы царства Янь (Янь ся ду 1996, 1: 684—731), а также в многочисленных памятниках Центральной Равнины более позднего времени, вплоть до могилы правителя царства Наньюэ в Гуаньчжоу. Именно для населения Ордоса (Сигоупань, могила 2; Алучайдэн) и яньских варваров (Янь ся ду Синьчжуантоу, могила 30) с IV в. до н. э. китайские мастера изготавливают прямоугольные поясные пластины с изображениями в зверином стиле. Эти пластины имеют обязательную шнуровую окантовку. Впоследствии пластины со шнуровой окантовкой встречаются только на подконтрольной Западной Хань территории (Пань Лин 2005: 126—129). Видимо, в среде ордосской элиты в конце IV в. до н. э. (Сигоупань, могила 2) (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь 1986: 358, рис. 7) появляется образ медведя (его прототипом мог быть гобийский медведь-мадзалай), изображаемого мордой анфас и с четырьмя лапами, распространяющийся и на Алтае, и в ханьском Китае, и на

запад вплоть до Тилля-Тепе (*Bactrian Gold...* 1985: 247—248, рис. 157—161). За последние годы в Китае вышло несколько обобщающих работ, авторы которых связывают появление предметов «северных типов» в собственно китайских погребальных комплексах позднего Чжаньго — Хань с влиянием сюнну (Цяо Лян 2005; Го У 2006). Однако в действительности большинство таких предметов и иконография изображений находят аналогии в пазырыкской культуре. В первую очередь, это относится к образу конегрифона («покровителя» пазырыкцев?), манере изображения животных с «вывернутым крупом», стилистике изображения птичьих головок и т. д. (Ковалев 1999). В указанной статье я выдвинул предположение о единстве ордосской элиты («лоуфаней») и пазырыкского Алтая, благодаря которому китайские предметы в позднескифское время появляются в элитных алтайских курганах; обнаружение на пазырыкской мумии из Пятого Пазырыкского кургана татуировок, практически совпадающих по манере изображения нападающих хищников с изображениями на золотых бляхах из Алучайдэн (изготовленных китайскими мастерами), подтверждает мое предположение (ср. Баркова, Панкова 2005: 57—58, рис. 14; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 343, рис. 2). Видимо, лоуфань (а никак не хунн!) может быть изображен на конской налобной бляхе из погребения чжуншаньского вана Цина, умершего в 113 г. до н. э. (Лу Чжаоинь 2005: 85—87); на этой бляхе выгравирован человек со «скифским» коротким сложным луком, в «пазырыкской» (Яценко 2006: 89—92) шапке с высоким отгибающимся вперед навершием и длинными лопастями (Маньчэн Хань му... 1980: цв. табл. XXX; Лу Чжаоинь 2005: 56; Го У 2006: рис. 12).

Линьху по всем известным текстам, восходящим к эпохе Чжаньго, заселяли территории к северу от Чжао. Самым ранним из таких текстов можно считать предсказание, сделанное чжаоскому Сян-цзы в середине V в. до н. э.: «...мы пожалуем тебе земли линьху...» (см. выше пункт 2). Весьма вероятно, что это предсказание предвосхищает завоевания самого Сян-цзы, который, как известно, захватил царство Дай; в этом случае линьху населяли какую-то часть дайских земель. Последующие сообщения относятся ко второй половине IV—середина III в. до н. э. (см. выше пункты 4, 7, 20). Поэтому поиски археологических памятников линьху необходимо проводить на территории Внутренней Монголии южнее Хух-Хото и севернее Шаньси к западу от Дайсяня.

Здесь были исследованы три могильника северных варваров с комплексами ранее рубежа IV—III вв. до н. э., все в современном уезде Лянчэн (АР Внутренняя Монголия): Маоцингоу, Иннюгоу и Госяньяоцзы (Вэй Цзянь 1984; 1989; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 227—341; *Gräberkatalog Maoqinggou* 1992). Большинство захоронений в этих трех могильниках совершены в подпрямоугольных в плане ямах, ориентированных длинной осью приблизительно по линии запад—восток, на спине, вытянуто, головой в восточный сектор. В головах погребенных (иногда в нишах) были установлены глиняные сосуды и уложены кости крупного и мелкого рогатого скота. Наиболее характерной чертой таких погребений является содержащаяся в них керамика: бомбовидные плоскодонные сосуды с невысоким воронковидным горлом без выделенного венчика и без ручек: Маоцингоу, могилы 3, 5, 6, 9, 11, 22, 29, 30, 33 (?), 37, 41—46, 58, 60, 62, 63, 65, 68, 74, 75 (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 252—257, рис. 27, 1, 2, 4—9; 28, 1, 3—6; 29, 2; табл. 96, 1, 2, 4; 97, 1—3); Госяньяоцзы, могилы 1, 2, 21, 26 (?), 28, 29 (Вэй Цзянь 1989: рис. 10, 5—8, 12, 13; 14, 2—6; 15, 4, 5); Иннюгоу, могилы 5 и 9 (Вэй Цзянь 1984: рис. 9,

3, 4); либо с двумя ручками на плечиках: Маоцингоу, могилы 3 и 59 (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: рис. 27, 3; 28, 2; табл. 96, 3; 97, 4), Госяньяоцзы,¹ могилы 3, 5, 7, 9, 11—13, 19, 20,² 22, 23, 27 (с обломанным горлом) (Вэй Цзянь 1989: рис. 9, табл. 12 и 13). В инвентарь таких погребений входили также специфические бронзовые бляхи, изображающие идущего волкообразного хищника — Маоцингоу, могилы 5, 55, 74 (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 280, рис. 45, табл. 67—68). Видимо, такие же парные бляхи, выполненные из железа и поэтому сильно корродированные, обнаружены в могилах 27, 31, 38 Маоцингоу (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 280, табл. 73; Gräberkatalog Maoqinggou 1992: 114). Здесь же найдены бронзовые бляшки в форме одной или нескольких орлиных головок: Маоцингоу, могилы 8—10, 17, 44, 47, 59, 61, 65, 71, 72; Иннюгоу, могила 9; Госяньяоцзы, могилы 1, 2, 5, 8, 12 (Вэй Цзянь 1984: 29, рис. 8, 2; (выполнен неверно); табл. 8, 2 (фото); Вэй Цзянь 1989: 67, 79—80, рис. 11, 1—5; табл. 16, 5—8; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 272—276, рис. 42, табл. 87), не встреченные в иных регионах степи. Одна такая бляшка входила в комплекс погребения в Гоулитоу соседнего уезда Синхэ (Цуй Лимин 1994). В остальном инвентарь погребений схож с инвентарем могил VI—III вв. до н. э., исследованных на северной и северо-западной границах китайских государств (см. Линь Юнь 1993; Чэнь Пин 1996). Обнаруженные здесь кинжалы с биволютными наконечниками, проушные чеканы, пряжки для ременного набора с изображением центральносимметрично расположенных головок грифонов (либо завитков) заставляют отнести все эти комплексы к позднескифскому времени, к V/VI—III вв. до н. э. (Kossack 1992: 97—106, см. также Семенов 1997: 19, рис. 26). Китайский клевец «гэ» из типичной по погребальному обряду могилы 58 Маоцигоу, где по описанию обнаружен также сосуд с воронковидным горлом, бомбовидным туловом и текстильными отпечатками (тип АII по Тянь Гуаньцзиню и Го Сусиню — Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 253), можно датировать по аналогиям самым концом эпохи Чуньцю (Хаяси Минао 1972: рис. 60; Rhi 1992: 34), схожие экземпляры датируются и эпохой Чжаньго, о чем пишет Г. Коссак, опираясь на типологический ряд «гэ», по Ли Ци, а также на выводы М. фон Деваль (Kossack 1992: 101). На мой взгляд, неправильно сравнивать этот клевец с предметом из комплекса Наньшаньгэнь 1958 г., как это делают авторы китайской публикации (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 300), поскольку ось бойка «гэ» из Маоцингоу, в отличие от наньшаньгэньского, резко поднята вверх по отношению к оси обуха. Таким образом, наиболее вероятной датой комплекса является V в. до н. э. В типичной по обряду могиле 27 Маоцингоу совместно с зооморфной бляхой из железа обнаружен китайский бронзовый наконечник копья, относящийся к III в. до н. э. (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 301; Rhi 1992: 35; Хаяси Минао 1972: рис. 151—155, приложение 2, рис. 152, 154). Таким образом, можно предположить, что вышеуказанный тип керамических сосудов и бронзовые бляшки в форме орлиной головы являются специфичными для линьху.

На территории, предположительно занимаемой к началу III в. до н. э. племенами дунху, на сегодняшний день раскопаны десятки могильников эпох Чуньцю и Чжаньго, однако большинство добытых материалов не опубликовано и не включено в научный оборот. Большинство памятников скифского времени здесь китайские ученые относят к так называемой «шаньжунской культуре» (Цзинь Фэньи

¹ По опубликованным рисункам и фотографиям.

² Раструб горла сосудов из могил 19 и 20 не показан на рисунке в публикации, но виден на фотографии.

2001) или к типу или культуре «Юйхуанмяо» (Чэнь Пин 1996; Уэньюэсыту 2007: 276—299). Судя по опубликованным материалам, погребальный обряд и инвентарь этих памятников весьма схож с погребальным обрядом и инвентарем Маоцингоу (Цзинь Фэнъи 2001; 2004). Погребенные уложены в подпрямоугольных ямах на спине вытянуто, головой в восточный сектор. В большинстве случаев прослежены деревянные рамы. Керамика находилась в головах погребенного. Кости животных укладывали выше головы покойного с восточной стороны на перекрытие или на площадку, образованную земляным заполнением ямы. В этих могильниках и иных комплексах VI—III вв. до н. э., находящихся на вышеуказанной территории дунху, обнаружены специфичные бронзовые бляхи в форме рельефной фигуры хищника из семейства кошачьих на полусогнутых лапах, причем в половине случаев этот хищник имеет голову лошади либо лошадиную гриву. Такие же бляхи происходят из случайных находок, сделанных на этих землях. Столь же специфичны для данной территории и кинжалы с навершием в виде двух дисков или «колесиков», часто выпуклых. Эти металлические предметы, наряду с керамическими сосудами специфических форм, в подавляющем большинстве встречены только на землях, принадлежавших, согласно нашим выводам, племени дунху на начало III в. до н. э., и, вероятно, являются «этническими индикаторами» этого народа.

Бляхи в форме «пантеры» встречены в провинции Хэбэй в могильнике Хаоцзыгоу (уезд Луаньпин), могилы 16 (76), 18 (78) (Чжэн Шаоцзун 1984: 45, рис. 1, 27, 28; 2, 10; 7, 9); в могильнике Сяобайян (уезд Сюаньхуа), могилы 12, 13, 18, 20, 32, 33, 41 (Хэбэй Сюаньхуа... 1987: 50, 51, 52, рис. 6, 1, 6, 7, 16; 13, 3, 4, 10, 11, 13, 16, 24; 14, 8, 12, 16; 15, 3, 5, 6, 9, 12, 16—18, 22, 24, 25, 30, 31); в могильнике Ганьцзыбао (уезд Хуайлай), могилы 1, 3, 8 (Хэ Юн, Лю Цзяньчжун 1992: 36, 38, рис. 9, 6, 7, 8; табл. 3, 25, 30), в могиле в Чжунтунцунь (уезд Синьлэ) (Хэбэй Синьлэ... 1984); в комплексе из Дяоюйтай (уезд Тансянь) (Хэбэй шэн... 1980: 96, рис. 169, 170); 5 целых блях и три фрагмента найдены в так называемом могильнике Луаньпин (близ деревни Шаньпаньчэн уезда Луаньпин) (Арне 1933: 156, 168—169, Taf. V, 1, 4, 5, 6); 2 целых и как минимум четыре фрагмента бронзовых блях найдены в так называемом могильнике Сюаньхуа (местность Хуандупу, уезд Сюаньхуа) (Арне 1933: 156, 173, Taf. X, 11, 12, 14, 15, 16, 17); а также в могильнике Юйхуанмяо, как минимум в могиле 129 (Бэйцзин Яньцин... 1989: 27, 30, рис. 17, 4; 24, 1; табл. 3, 4; 4, 1). Еще пять блях из могильников Юйхуанмяо, Хулугоу, Силянгуан (уезд Яньцин, район Пекин) экспонируются в музее на месте раскопок могильника Юйхуанмяо (из них одна золотая опубликована Дж. Со и Э. Банкер — So, Bunker 1995: 50, fig. 18). В провинции Ляонин такие бляхи найдены в могиле из Саньгуаньдяньцзы (уезд Линьюань, Ляонин) (Ляонин Линьюань... 1985: 125—130, рис. 1—8, табл. 1). Бронзовые бляхи такого типа, изображающие кошачьего с головой (гривой) лошади, обнаружены в провинции Хэбэй в следующих комплексах: могильник Сяобайян, могилы 2, 11, 18 (см. выше), 22, 38 (Хэбэй Сюаньхуа... 1987: 51, рис. 6, 5, 15; 13, 2, 8, 17, 18; 14, 1, 5; 15, 7, 8, 15, 21); три бляхи найдены в разграбленных комплексах могильника Лишугоумэнь (уезд Луаньпин) (Хэбэй шэн... 1994: 28, рис. 12, 15, 16); две бляхи и два фрагмента найдены в разграбленном так называемом могильнике Луаньпин (Шаньпанчэн, уезд Луаньпин) (Арне 1933: 156, 169, Taf. V, 2, 3, 7, 8); одна бляха происходит из разграбленного так называемого могильника Сюаньхуа (Хуандупу, уезд Сюаньхуа) (Арне 1933: 156, 173, Taf. X, 10). В регионе Пекин такие бляшки обнаружены в мо-

гиле 32 могильника Лунцинся (уезд Синцзянь) (Лунцинся бешу... 1994: рис. 6, 1; 12, 2), в могиле 226 могильника Юйхуанмяо (Бэйцзин Яньцин... 1989: 30, табл. 4, 2), еще как минимум семь блях из могильников Юйхуанмяо, Хулугоу, Силянгуан (уезд Яньцин, район Пекин) экспонируются в музее на месте раскопок могильника Юйхуанмяо. В провинции Ляонин (уезд Линъюань) такие бляхи найдены в могильнике Удаохэцзы, могилы 8—10 (Ляонин Линъюань... 1989: 53—60, рис. 1; 2; 4; 5; 7; 8, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 17, 21, 24, 25; 10, 4, 8; 12, 1, 3; 13, 2, 3; 16, 9; 17; табл. 8, 4 (слева), 5).

Кинжалы с «бидисковидным» навершием встречены вместе с бляхами в форме кошачьего животного в комплексах Хаоцзыгоу (могилы 16 и 18) и Сяобайян (могилы 12 и 22). Ножи с навершием такого рода обнаружены в могиле 18 Сяобайян (см. выше), а также в могилах 2, 4 и 6 могильника Лотолуань (волость Саньдаоин, уезд Лунхуа провинции Хэбэй) (Чжэн Шаоцзун 1984: 39, 41, рис. 1, 11, 30; 2, 2, 14; 3, 1; табл. 5, 16), могиле 4 могильника Ганьцзыбао (уезд Хуайлай) (Хэ Юн, Лю Цзяньчжун 1992: 36, 38, рис. 7, 5, 6; табл. 3, 5, 6), в могиле в Фансишань (волость Яошангъин, уезд Луаньпин, провинция Хэбэй) (Чжэн Шаоцзун 1984: 41, рис. 1, 26; 2, 9), в могиле в Сятай (уезд Луаньпин провинции Хэбэй) (Чжэн Шаоцзун 1984: 41, рис. 1, 31). По одному экземпляру таких ножей происходят из могильника Лишугоумэнь (уезд Луаньпин) (Хэбэй шэн... 1994: 18, рис. 7, 3), из могилы 22 в пекинском регионе (Шао Хуйцю, Сюн Цзэнлун 2005: 12, рис. 7, 10), могилы 70 могильника Юйхуанмяо (Бэйцзин каогу... 1990: рис. 36, 1) и могилы 36 могильника Лунцинся (Лунцинся бешу... 1994: рис. 9, 1). Известны также четыре экземпляра, происходящие из различных пунктов в провинции Хэбэй: уездный центр Фэннин, город Чэндэ, уездный центр Вэйсянь, деревня Дагучэн уезда Хуайлай (Чжэн Шаоцзун 1984: 39, 41, рис. 1, 12, 19, 20, 29; табл. 5, 5, 7).

Найденный в могиле 32 могильника Сяобайян бронзовый кинжал китайского производства датируется эпохой Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 230—234, рис. 345, 353). Сосуд «дин» из комплекса Саньгуаньдянь датируется ранним периодом эпохи Чжаньго (Ляонин Линъюань... 1985: 130). Клевец «гэ» из того же комплекса датируется рубежом эпох Чуньцю — Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 62, рис. 64, приложение 2, рис. 31). Ножи из этого комплекса могут быть датированы поздним периодом эпохи Чуньцю — ранним периодом Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 180, рис. 253, 256). Треножники «дин», сосуды «янь» и «доу» из комплекса Чжунтунцунь, по аналогии с сосудами из могилы 1217 в Чжунчжоулу (Лоян, Хэнань) и из раскопанной неподалеку могилы близ Маньчэна, датируются авторами публикации ранним периодом Чжаньго (Хэбэй Синьлэ... 1984: 973). Сосуд «доу» из Дяоюйтай датируется эпохой Чжаньго (Чэнь Гуан 1998: 23). Клевец «гэ» из могилы 8 могильника Удаохэцзы можно отнести к первой половине V в. до н. э. (Хаяси Минао 1972: приложение 2, рис. 29, 31, 44), а бронзовые кинжалы с плоской рукоятью и бронзовый нож из того же комплекса датируются ранним периодом Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 180, 230, рис. 256; 345; 348, 1). Бронзовые кинжалы из могил 8 и 9 Удаохэцзы следует отнести к концу IV—началу III в. до н. э. (Хаяси Минао 1972: приложение 2, рис. 155—161). Клевец «гэ» (№ 1: 7) из могилы 1 Удаохэцзы датируется IV в. до н. э., другой клевец (№ 1: 43) — III в. до н. э. (Ляонин Линъюань... 1989: 61). Остальные комплексы датируются по китайским импортам VII—V вв. до н. э. (Ян Цзяньхуа 2004: 73—83). Таким образом, бляхи в форме кошачьего и кошачьего с головой лошади сосуществуют, однако первые можно датировать VII—V вв. до н. э., а вторые — V—IV(III) вв. до н. э.

Вопрос о землях, занимаемых в конце IV— III в. до н. э. народом под названием «сюнну» и о признаках материальной культуры, которые можно считать «этническими индикаторами» этого племени, был подробно разобран на базе приведенных письменных источников, материалов археологических исследований длинных стен Цинь, Чжао, Янь, выводов о локализации народов дунху, линьху, лоуфань и об этнических признаках этих племен (Ковалев 2002). В результате этого исследования был сделан вывод о том, что сюнну до начала экспансии Маодуня занимали территорию севернее гор Иньшань и северо-западнее излучины Хуанхэ, а признаками их влияния на материальную культуру более южных народов можно считать (с различной степенью вероятности) появление в погребальных комплексах эпохи Чжаньго костяных наконечников стрел с расщепленным насадом, сосудов с орнаментом в виде «бегущей волны» и костяных концевых накладок лука. Юй Тайшань на основе анализа письменных источников также приходит к выводу о локализации сюнну в эпоху Чжаньго на север от линьху и лоуфаней, в степях Внутренней Монголии севернее гор Иньшань (Юй Тайшань 2005: 3).

БА 2005 — Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, перевод с китайского, вступ. статья, коммент. и прилож. М. Ю. Ульянова при участии Д. В. Деопика и А. И. Таркиной. М., 2005.

Баркова, Панкова 2005 — Баркова Л. Л., Панкова С. В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. № 2 (22). С. 48—59.

Боровкова 2001 — Боровкова Л. А. Царства «Западного края» во II—I веках до н. э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001.

Бутин 1982 — Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982.

Васильев 1968 — Васильев К. В. «Планы сражающихся царств» (исследование и переводы). М., 1968.

Васильев 1998 — Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.

Го юй 1987 — Го юй (Речи царств) / Перевод с китайского, вступление и примеч. В. С. Таскина. М., 1987.

Клейн 1991 — Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991.

Ковалев 1999 — Ковалев А. А. О связях населения Алтая и Ордоса в V—III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75—82.

Ковалев 2002 — Ковалев А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 150—194.

Комиссаров 1988 — Комиссаров С. В. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.

Кроль 1970 — Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.

Крюков 1972 — Крюков М. В. Сыма Цянь и его «Исторические записки» // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; Под общей редакцией Р. В. Вяткина. М., 1972. Т. 1. С. 12—65.

Семенов 1997 — Семенов Вл. А. Монгун-Тайга. СПб., 1997.

Сыма Цянь 1975 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1975. Т. 2.

Сыма Цянь 1984 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1984. Т. 3.

Сыма Цянь 1992 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1992. Т. 6.

- Сыма Цянь 1996 — *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского Р. В. Вяткина; Коммент. Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина. М., 1996. Т. 7.
- Сыма Цянь 2002 — *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца; Коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца; Вступ. статья Р. В. Вяткина. М., 2002. Т. 8.
- Таскин 1968 — *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по историческим источникам) / Предисл., перевод и коммент. В. С. Таскина. М., 1968. Вып. 1.
- Яценко 2006 — *Яценко С. А.* Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.
- Arne 1933 — *Arne T. J.* Die Funde von Luan Ping und Hsuan Hua // *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. 1933. Vol. 5. P. 155—175.
- Bactrian Gold... 1985 — *Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan* / Text and selection by V. Sarianidi. Leningrad, 1985.
- Bunker 2003 — *Bunker E. C.* Artifacts: Regional Styles and Methods of Production // *Nomadic art of the eastern Eurasian steppes: the Eugene V. Thaw and other New York collections*. New Haven; London, 2003. P. 15—37.
- Chan-Kuo Ts'e 1970 — *Chan-Kuo Ts'e* / Translated by J. I. Crump. Oxford, 1970.
- Chavannes 1905 — *Chavannes Ed.* Les memoires historiques de Se-ma Ts'ien. Paris, 1905. Vol. 5.
- Creel 1964 — *Creel H. G.* The Beginning of Bureaucracy: The origin of the hsien // *JRAS*. 1963—1964. Vol. 23. P. 155—184.
- De Groot 1921 — *De Groot J. J. M.* Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin; Leipzig. 1921. Erster Teil.
- Eggers 1950 — *Eggers H. J.* Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // *Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift)*. Heidelberg, 1950. S. 49—59.
- Gräberkatalog Maoqinggou 1992 — *Gräberkatalog Maoqinggou* // *Maoqinggou*. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992. S. 110—119.
- Hachmann et al. 1962 — *Hachmann R., Kossack G., Kuhn H.* Völker zwischen Germanen und Kelten: Schriftquellen, Bodenfunde und Nahmengut. Zur Geschichte des Nordlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Neumünster-Wachholtz. 1962.
- Hulsevé 1993 — *Hulsevé A. F. P.* Shih chi // M. Loewe (ed.). *Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide*. Berkeley, 1993. P. 405—414.
- Knechtges 1993 — *Knechtges D. R.* Shuo yuan // M. Loewe (ed.). *Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide*. Berkeley, 1993. P. 443—445.
- Kossack 1992 — *Kossack G.* Dolche und Gurtelzubehör aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundferbanden // *Maoqinggou*. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992. S. 97—109.
- Linduff 1997 — *Linduff K. M.* An Archaeological Overview // *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections*. New York, 1997. P. 18—98.
- Miyake Toshihiko 1999 — *Miyake Toshihiko*. Research on the Northern Bronze Culture of Ancient China. Tokyo, 1999 (на яп. яз.).
- Prusek 1971 — *Prusek J.* Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400—300 B.C. Dordrecht, 1971.
- Rhi 1992 — *Rhi C.-S.* Die Maoqinggou Kultur und ihre Zeitsellung // *Maoqinggou*. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992. S. 28—45.
- So, Bunker 1995 — *So J. F., Bunker E. C.* Traders and Raiders on China's Northern Frontier. Seattle; London, 1995.
- Strumpfheldt 1970 — *Strumpfheldt H.* Staatsferfassung und Territorium im antiken China. Über die Ausbildung einer territorialen Staatsferfassung. Düsseldorf; Osnabrück, 1970.
- Tsuen-hsuin Tsien 1993 — *Tsuen-hsuin Tsien*. Chan kuo ts'e // M. Loewe (ed.). *Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide*. Berkeley, 1993. P. 1—11.
- Бэйцзин каогу... 1990 — *Бэйцзин каогу сыши нянь* (Сорок лет археологии Пекина). Пекин, 1990 (на кит. яз.).
- Бэйцзин Ярьцин... 1989 — *Бэйцзин Яньцин Цзюньдушань Дун Чжоу шаньжун було муди фацзюэ цзильюэ* (Краткий обзор раскопок могильников шаньжун эпохи Восточного Чжоу в горах Цзюньдушань уезда Яньцин, Пекин) // *Вэнью*. 1989. № 8. С. 17—43 (на кит. яз.).
- Вэй Цзянь 1984 — *Вэй Цзянь*. Лянчэн Иньнюгоу муцзан цинли цзянбао (Упорядоченное краткое сообщение о могильных сооружениях в Иньнюгоу в уезде Лянчэн) // *Нэймэнгу вэнью каогу*. 1984. № 3. С. 25—32 (на кит. яз.).

Вэй Цзянь 1989 — *Вэй Цзянь*. Лянчэн Госяньяоцзы муди (Могильник Госяньяоцзы в уезде Лянчэн) // Каогу сюэбао. 1989. № 1. С. 57—81 (на кит. яз.).

Гай Шаньлинь, Лу Сысянь 1981 — *Гай Шаньлинь, Лу Сысянь*. Иньшань нань лу дэ Чжао чанчэн (Длинная стена царства Чжао на южных склонах гор Иньшань) // Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 21—24 (на кит. яз.).

Го У 2006 — *Го У*. Лочжуан Хань му 9 хао кэн со чу буфэн ма цзюй цзи ци сянгунь вэньти (Фрагментированный конский убор, происходящий из ямы 9 ханьской могилы в Лочжуан, а также связанные с ним вопросы) // Хань дай каогу юй вэньхуа гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи (Сборник статей Международной научной конференции по археологии эпохи Хань и культуре эпохи Хань). Цзинань, 2006. С. 383—401 (на кит. яз.).

Гу бэнь... 1997 — *Гу бэнь* Чжу шу цзи нянь цзи цзяо. Цзи бэнь Чжу шу цзи нянь шу чжэн (Древний текст «Бамбуковых анналов», собранный и прокомментированный. Современный текст «Бамбуковых анналов», прокомментированный со ссылками на источники) / Ван Говэй — сост., коммент. Шэньян, 1997 (на кит. яз.).

Гудай хань ю цыдянь 1998 — *Гудай хань ю цыдянь* (Словарь древнекитайского языка) / Чэнь Фухуа — гл. ред. Пекин, Шан Уинь шугуань, 1998 (на кит. яз.).

Ко ди чжи... 2005 — *Ко ди чжи* цзи цзяо («Всеобъемлющее описание земель», собранное и прокомментированное) / Ли Тай — автор, Хэ Цыцзюнь — сост., коммент. 2-е изд. Пекин, 2005 (на кит. яз.).

Ли Юю 2001 — *Ли Юю*. Чжунго бэйфан чанчэн као шу (Обзор исследований северных длинных стен Китая) // Нэймэнгу вэньу каогу. 2001. № 1. С. 1—51 (на кит. яз.).

Ли Синшэн, Хао Липин 1994 — *Ли Синшэн, Хао Липин*. Умэн Чжоцзы сянь Чжаньго Чжао чанчэн дяоча (Обследование длинных стен царства Чжао эпохи Чжаньго в уезде Чжоцзы аймака Уланьчабу) // Нэймэнгу вэньу каогу. 1994. № 2. С. 21—24 (на кит. яз.).

Ли Хайжун 2003 — *Ли Хайжун*. Бэйфан дицю чуту Ся Шан Чжоу шици цинтун ци яньцзю (Исследование бронзовых предметов периодов Ся, Шан, Чжоу, раскопанных в северном регионе). Пекин, 2003 (на кит. яз.).

Линь Юнь 1993 — *Линь Юнь*. Гуанью Чжунго дэ дуй сюнну цзу юань дэ каогусюэ яньцзю (Китайские археологические исследования происхождения племени сюнну) // Нэймэнгу вэньу каогу. 1993. № 1—2. С. 127—141 (на кит. яз.).

Линь Юнь 1996 — *Линь Юнь*. Дунху юй шаньжун дэ каогу таньсо (Археологические изыскания о дунху и шаньжунах) // Хуай Бохай каогу гоцзи сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи (Сборник статей Международной научной конференции по археологии окружения Бохайского залива). Пекин, 1996. С. 174—181 (на кит. яз.).

Лу Чжаоинь 2005 — *Лу Чжаоинь*. Маньчэн Хань му (Ханьская могила в Маньчэн). Пекин, 2005 (на кит. яз.).

Лунцинся бешу... 1994 — *Лунцинся бешу* гунчэн чжун фасянь дэ Чуньцю шици муцзан (Могилы периода Чуньцю, обнаруженные в ходе строительства дач в Лунцинся) // Бэйцзин вэньу юй каогу. 1994. Вып. 4. С. 32—45 (на кит. яз.).

Ляонин Линьюань... 1985 — *Ляонин Линьюань* сянь Саньгуаньдянь цинтун дуаньцзянь му (Могила с бронзовыми кинжалами в Саньгуаньдянь, уезд Линьюань, Ляонин) // Каогу. 1985. № 2. С. 125—130 (на кит. яз.).

Ляонин Линьюань... 1989 — *Ляонин Линьюань* сян Удаохэцзы Чжаньго му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил эпохи Чжаньго в Удаохэцзы, уезд Линьюань, Ляонин) // Вэньу. 1989. № 2. С. 52—61 (на кит. яз.).

Маньчэн Хань му... 1980 — *Маньчэн Хань му* фацзюэ баогао (Отчет о раскопках ханьской могилы в Маньчэн). Пекин, 1980. Т. 1, 2 (на кит. яз.).

Оу Янь 1987 — *Оу Янь*. Во го цзао ци дэ чанчэн (Длинные стены в ранний период истории нашей родины) // Бэйфан вэньу. 1987. № 2. С. 11—18 (на кит. яз.).

Пань Лин 2005 — *Пань Лин*. Цзюйсин дуньу вэнь пайши дэ сянгунь вэньти яньцзю (Исследование вопросов, относящихся к прямоугольным пластинам с изображениями в зверином стиле) // Бяньцзян каогу яньцзю. 2005. Вып. 3. С. 126—146 (на кит. яз.).

Пэн Сичжу 1990 — *Пэн Сичжу*. Чжаньго Цинь чанчэн каоча юй яньцзю (Детальное описание и исследование длинных стен царства Цинь эпохи Чжаньго). Сиань, 1990 (на кит. яз.).

Синь Дэюн 2005 — *Синь Дэюн*. Иньшань Гаоцзюэ юй Яншань Гаоцзюэ бяньси — бинлунь Цинь Ши-хуан вань ли чанчэн си дуань цзоусян ицзи чанчэн чжэ циюань вэньти (Анализ проблемы Гаоцзюэ в Иньшань и Гаоцзюэ в Яншань — наряду с локализацией западного отрезка великой стены Цинь Ши-хуана длиной в десять тысяч ли, а также и вопросом о происхождении длинных стен) // Вэнь ши. 2005. № 3. С. 5—64 (на кит. яз.).

Сюн Цуньжуй 1981 — *Сюн Цуньжуй*. Сянь Цинь сюнну цзи ци юй гуань дэ цзигэ вэньти (Сюнну в доциньское время, а также некоторые имеющие касательство к этому вопросы) // Шэжуй кесюэ чжаньсянь. 1981. № 1. С. 110—113 (на кит. яз.).

Сян Чуньсун 1981 — *Сян Чуньсун*. Чжаоуда мэн Янь Цинь чанчэн ичжи дяоча баогао (Отчет об обследовании остатков длинных стен царства Янь и династии Цинь в сейме Чжаоуда) // Чжунго чанчэн ичжи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 6—20 (на кит. яз.).

Сяо Цзинцюань 2000 — *Сяо Цзинцюань*. Ляодун дицю Янь Цинь Хань чанчэн чжансай дэ каогусюэ каоча яньцзю (Исследование археологических изысканий пограничных укреплений и длинных стен царства Янь, династий Цинь и Хань в регионе Ляодун) // Бэйфан вэньбу. 2000. № 3. С. 15—23 (на кит. яз.).

Тун цзянь... 1986 — Тун цзянь дили чжу цыдянь (Словарь географических комментариев к «Тун цзянь») / Фэн Хуймин и др. — сост. Цзинань, 1986 (на кит. яз.).

Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986 — *Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь*. Ордосы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля). Пекин, 1986 (на кит. яз.).

Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 2004 — *Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь*. Чжунго бэйфан си цинтунци вэньхуа хэ лэйсин дэ чубу яньцзю (Предварительное исследование культур и культурных вариантов китайских бронз северного стиля) // Бэйфан каогу луньвэнь цзи (Сборник статей об археологии Севера). Пекин, 2004. С. 160—199 (на кит. яз.).

Уэньюэсыгу 2007 — *Уэньюэсыгу*. Бэйфан цаююань каогусюэ вэньхуа яньцзю: цинтун шидай дао цзао те ци шидай (Исследование археологических культур северных степей: бронзовый — ранний железный века). Пекин, 2007 (на кит. яз.).

ХШ 1997 — Хань шу (История династии Хань) / Бань Гу — автор. Янь Шигу — коммент. 10-е изд. Пекин, 1997. Т. 1—12 (на кит. яз.).

Хаяси Минао 1972 — *Хаяси Минао*. Тюгоку Инь-Сю цзидай-но буки (Оружие Китая эпох Инь-Чжоу). Киото, 1972 (на кит. яз.).

Хуан Шэнчжан 1985 — *Хуан Шэнчжан*. Синь чу Чжаньго цзинь инь ци минвэнь яньцзю (сань ти) (Исследование надписей, выгравированных на вновь раскопанных золотых и серебряных предметах эпохи Чжаньго (раздел третьей)) // Гу вэньцзы яньцзю. 1985. Вып. 12. С. 337—353 (на кит. яз.).

Хэ Юн, Лю Цзяньжун 1992 — *Хэ Юн, Лю Цзяньжун*. Хэбэй Хуайлай Ганьцзыбао фасянь дэ Чуньцю муцунь (Могильник эпохи Чуньцю, обнаруженный в Ганьцзыбао, уезд Хуайлай, Хэбэй) // Вэньбу чуньцю. 1992. № 2. С. 23—40, 75 (на кит. яз.).

Хэбэй Синьлэ... 1984 — Хэбэй Синьлэ сянь Чжунтунцунь Чжаньго му (Могила эпохи Чжаньго в Чжунтунцунь, уезд Синьлэ, Хэбэй) // Каогу. 1984. № 11. С. 971—973 (на кит. яз.).

Хэбэй Сюаньхуа... 1987 — Хэбэй Сюаньхуа сянь Сяобайян муди фацзюэ баогао (Отчет о раскопках могильника Сяобайян в уезде Сюаньхуа, Хэбэй) // Вэньбу. 1987. № 5. С. 41—49 (на кит. яз.).

Хэбэй шэн... 1980 — Хэбэй шэн чуту вэньбу сюаньцзи (Избранные объекты культурного наследия, раскопанные в провинции Хэбэй). Пекин, 1980 (на кит. яз.).

Хэбэй шэн... 1994 — Хэбэй шэн Луаньпин сянь Лишугоумэнь му цюнь цинли фацзюэ баогао (Упорядоченный отчет о раскопках могильной группы в Лишугоумэнь в уезде Луаньпин, провинция Хэбэй) // Чуньцю вэньбу. 1994. № 2. С. 15—30 (на кит. яз.).

Цзинь Фэньи 2001 — *Цзинь Фэньи*. Цзюньдушань Юйхуанмяо муди дэ тэчжэн цзи ци цзу шу вэньти (Признаки могильника Юйхуанмяо в горах Цзюньдушань и вопросы его этнической атрибуции) // Су Бинци юй дандай Чжунго каогусюэ. Пекин, 2001. С. 194—214 (на кит. яз.).

Цзинь Фэньи 2004 — *Цзинь Фэньи*. Цзюньдушань Юйхуанмяо муди сонь шэн чжиду яньцзю (Исследование обряда жертвоприношения скота в могильнике Юйхуанмяо в горах Цзюньдушань) // Бэйцзин вэньбу юй каогу. 2004. Вып. 6. С. 116—167 (на кит. яз.).

Цуй Лимин 1994 — *Цуй Лимин*. Нэймэнгу синхэ сянь Гоулитоу сюнну му (Сюннская могила в Гоулитоу уезда Синхэ, Внутренняя Монголия) // Каогу. 1994. № 5. С. 473 (на кит. яз.).

Цяо Лян 2005 — *Цяо Лян*. Чжуньюань, Наньфан со цзянь сюнну вэньхуа дэ инсян (Влияние культуры сюнну, обнаруживаемое на Центральной равнине и на Юге) // Дунфан каогу. 2005. Вып. 1. С. 276—289 (на кит. яз.).

ЧГВУДТЦ НМГ 2003 — Чжунго вэньбу дитуцзи. Нэймэн гу цзычжи цю фэнцэ (Атлас культурного наследия Китая. Автономный район Внутренняя Монголия). Сиань, 2003. Т. 1, 2 (на кит. яз.).

ЧГЛШДТЦ 1982 — Чжунго лиши дитуцзи (Исторический атлас Китая). Шанхай, 1982. Т. 1—6. (на кит. яз.).

ЧГЦ 1995 — Чжаньго цэ (Планы сражающихся царств) / Лю Сян — автор. 4-е изд. Шанхай, 1995. Т. 1—3 (на кит. яз.).

- Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993 — *Чжан Циньчан, Ван Яньдун*. Чжаньго цэ цзяньчжу (Толкование «Чжаньго цэ»). Тяньцзинь, 1993 (на кит. яз.).
- Чжунго каогусюэ... 2004 — Чжунго каогусюэ. Лян Чжоу цюань (Археология Китая. Обе эпохи Чжоу). Пекин, 2004 (на кит. яз.).
- Чжэн Шаоцзун 1981 — *Чжэн Шаоцзун*. Хэбэй шэн Чжаньго, Цинь, Хань шици гу чанчэн хэ чэнчжан ичжи (Руины длинных стен и укрепленных линий эпох Чжаньго, Цинь, Хань в провинции Хэбэй) // Чжунго чанчэн ици дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 34—51 (на кит. яз.).
- Чжэн Шаоцзун 1984 — *Чжэн Шаоцзун*. Чжунго бэйфан цинтун дуаньцзянь дэ фэньци цзи синчжи яньцзю (Исследование хронологии и типологии бронзовых кинжалов Северного Китая) // Вэньу. 1984. № 2. С. 37—49 (на кит. яз.).
- Чжэн Шаоцзун 1992 — *Чжэн Шаоцзун*. Люэ тань Чжаньго шици Чжуншань го дэ цзян чэн вэньти (Обзорное изложение вопросов, касающихся пограничных укреплений царства Чжуншань в период Чжаньго) // Ляохай вэньу сюэкань. 1992. № 2 (14). С. 128—138 (на кит. яз.).
- Чэнь Гуан 1998 — *Чэнь Гуан*. Дун Чжоу Янь вэньхуа фэньци лунь (сюй вань) (Рассмотрение периодизации культуры Янь эпохи Восточного Чжоу (заключение)) // Бэйцзин вэньу. 1998. № 2. С. 19—28 (на кит. яз.).
- Чэнь Пин 1995 — *Чэнь Пин*. Янь ши цзи ши бянь нянь хуй ань (Распределенное по годам собрание материалов по зафиксированным событиям истории Янь). Пекин, 1995. Т. 1, 2 (на кит. яз.).
- Чэнь Пин 1996 — *Чэнь Пин*. Люэлунь «шаньжун вэньхуа» дэ цзүшу цзи сянгвань вэньти (Немного об этнической атрибуции «шаньжунской культуры» и связанных с этим проблемах) // Хуася каогу. 1996. № 3. С. 63—76 (на кит. яз.).
- Чэнь Пин 2003 — *Чэнь Пин*. Шилунь Чжаньго син Цинь бин дэ няньдай цзи югуань вэньти (Опыт построения хронологии типов оружия царства Цинь, бытовавших в период Чжаньго, а также относящиеся к этому вопросу) // Янь Цинь вэньхуа яньцзю — Чэнь Пин сюэшу вэньцзи (Исследования культуры Янь и Цинь — сборник ученых трудов Чэнь Пина). Пекин, 2003. С. 222—243 (на кит. яз.).
- Чэнь Пин 2006 — *Чэнь Пин*. Бэйфан ю Янь вэньхуа яньцзю (Исследование культуры северных окраин Янь). Пекин, 2006 (на кит. яз.).
- Шао Хуйцю, Сюэ Цзэнлун 2005 — *Шао Хуйцю, Сюэ Цзэнлун*. Цзи бэй дицю Дун Чжоу шици бэйфан вэньхуа цинтун дуань цзянь яньцзю (Исследование бронзовых кинжалов эпохи Восточного Чжоу северной части провинции Хэбэй) // Вэньу чуньцзю. 2005. № 4. С. 7—22, 51 (на кит. яз.).
- ШЦ 1996 — Ши цзи (Записи историка) / Сыма Цянь — автор. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ — коммент. 14-е изд. Пекин, 1996. Т. 1—10 (на кит. яз.).
- Шиниэлинь 1981 — *Шиниэлинь*. Хэбэй шэн Вэйчан сянь Янь Цинь чанчэн дяоча баогао (Отчет об обследовании длинных стен царства Янь и династии Цинь в уезде Вэйчан провинции Хэбэй) // Чжунго чанчэн ици дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 40—44, 51 (на кит. яз.).
- Шю юань 1976 — Шю юань (Сад высказываний) / Лю Сян — автор. Пекин, 1976 (на кит. яз.).
- Шуй цзин чжу... 1999 — Шуй цзин чжу шу («Речной канон с подсобными текстами “чжу” и комментариями “шу”») / Ли Даюань — автор текстов «чжу»; Ян Шоуцзин, Сюэ Хуйчжэн — авторы комментариев «шу». 2-е изд. Нанкин, 1999 (на кит. яз.).
- Юань-хэ... 2005 — Юань-хэ цзюнь сянь ту чжи (Описание карты округов и уездов эры правления юань-хэ) / Ли Цзифу — автор. 2-е изд. Пекин, 2005. Т. 1, 2 (на кит. яз.).
- Юй Тайшань 2005 — *Юй Тайшань*. Сюнну дэ цзюэци (Возвышение сюнну) // Оуэ сюэкань. Вып. 5. 2005. С. 1—7 (на кит. яз.).
- Ян Куань 2001 — *Ян Куань*. Чжаньго шилля бянь нянь цзи чжэн (Распределенное по годам собрание исторических источников по периоду Чжаньго). Шанхай, 2001 (на кит. яз.).
- Ян Цзяньхуа 2004 — *Ян Цзяньхуа*. Чуньцзю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуа дай дэ синчэн (Формирование пояса северных культур Китая периодов Чуньцзю-Чжаньго). Пекин, 2004 (на кит. яз.).
- Янь ся ду 1996 — Янь ся ду (Нижняя столица Янь). Пекин, 1996. Т. 1, 2 (на кит. яз.).
- Янь Чжун 1995 — *Янь Чжун*. Янь бэй чанчэн као (Изучение северных длинных стен царства Янь) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1995. № 2. С. 181—186 (на кит. яз.).